

Handwritten signature

Яков Либерман

Из классической еврейской поэзии

*Перевод
с иврита, идиша, немецкого*

Екатеринбург
Издательство
"Банк культурной информации"
2003

**Благодарим
за финансовую поддержку
Министерство культуры Свердловской области,
Американский распределительный комитет "Джойнт",
Еврейское агентство в России,
Предприятие "БиБ",
Н.А.Брусина, Л.В.Стоцкую и А.М.Халемского.**

*В оформлении книги использована
графика Эфраима Лилиена.*

Либерман Я.Л.

Л 55 Из классической еврейской поэзии. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. — 224 с.: ил. — (Библиотека поэзии Каменного пояса. Переводы из мировой поэзии).

ISBN 5-7851-0443-1

В книгу включены избранные переводы стихов еврейских поэтов Испании, Италии, Израиля, России, США и Германии, написанных в VII-XX вв., выполненные екатеринбургским ученым Я.Л.Либерманом.

Книги, собранные и переведенные Я.Л.Либерманом, ("Тридцать три века еврейской поэзии", "Еврейские сказки" и др.) уже заняли достойное место в культурной жизни Урала. Мы надеемся, что данный сборник, включенный в качестве приложения в рамки издательского проекта "Библиотека поэзии Каменного пояса" не только откроет читателям шедевры еврейской поэзии, но и даст дорогу другим уральским переводчикам, обогащая русскоязычную культуру шедеврами мировой поэзии.

**УДК 821.112.28.03
ББК 84(0)9:83(23Рос=Рус)-5я43**

ISBN 5-7851-0443-1

© Я.Л.Либерман, перевод,
составление, 2003
© Банк культурной информации,
оформление, 2003

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

И поровожу стихи уже двадцать лет. За столь значительное время мне пришлось соприкоснуться с творчеством поэтов разных стран, но при всем географическом многообразии это всегда были еврейские поэты. Часто считают, что «национальная принадлежность» поэзии определяется ее языком. Но это верно лишь отчасти. Главное, все же, — душа поэта. И я выбирал поэтов с еврейской душой, близких по этому признаку друг другу и мне. Отсюда не следует, что они все — близнецы-братья, и в их стихах нет общечеловеческих мотивов. Они разные, как все люди, но тем не менее, их объединяют общая историческая память, характер мировоззрения и отношение к духовным ценностям.

Иврейская поэзия — одна из древнейших поэзий мира. Ей около трех с половиной тысячелетий. Составляющие ее произведения написаны на иврите и арамейском, идише и ладино, на еврейско-арабском, еврейско-персидском и других языках, в том числе на языках окружающих евреев народов. Она прошла сложный путь во времени и в пространстве. Родившись и окрепнув в Земле Израиля — в Палестине, иврейская поэзия вместе с еврейским народом пережила изгнание, познала взлет и упадок в Испании, а затем в Италии, возрождение в России, Германии и Америке, ужасающую трагедию Холокоста в Европе и сталинизма в СССР и наконец вернулась назад в страну отцов. При этом она совершила в своем раз-

витии странный, наполненный мистическим смыслом цикл. Начавшись с «женской» поэзии пророчицы Деборы, она пришла к ярким образцам современной «женской» лирики. Отправившись в странствия от нерифмованных стихов, она вернулась к таковым в форме верлибра.

В еврейской поэзии довольно своеобразная эстетика (чаще эстетика мысли, чем образа), но множество художественных течений и идеологических направлений: религиозных, палестинофильских и сионистских, просвещенческих и ассимиляторских... Каждое из них представлено несчетным числом стихов. Она поистине необъятна, и настоящий сборник — лишь капля из безбрежного океана. В него вошли стихи, уже публиковавшиеся на русском языке ранее, и те, что я перевел вновь. В сборнике четыре раздела. Два — переводы с иврита — самого древнего еврейского языка, один — с идиша — языка, существующего примерно с XII века, один — с немецкого — языка, ставшего основным инструментом литературного творчества писателей-евреев Центральной Европы с конца XVIII века. Состав сборника, безусловно, не дает представления обо всей классической еврейской поэзии в целом, он отражает, прежде всего, пристрастия переводчика — интерес к средневековой философской и любовной лирике, к современной экспрессионистской поэзии и др. Однако, как мне кажется, он, все же, позволяет увидеть, что еврейская поэзия — оригинальное, самобытное и многогранное явление человеческой культуры. Если читатель это действительно увидит, я буду вполне удовлетворен. Ну а если какие-то стихи затронут его сердце, — тем более. Ведь дорога к взаимопониманию людей проходит через их сердца.

Я.Либерман.

Из ивритской
поэзии
средних веков

Элеазар Бен Калир

(VII–VIII вв.).

*Один из первых
еврейских поэтов средневековья,
автор литургических произведений,
талмудического словаря
“Арух” (“Стол”).*

*Предположительно,
родился в Палестине,
и этим биографические сведения
о нем исчерпываются.*

*Прославился тем,
что превратил рифму
в еврейской поэзии
в естественный
художественный прием.*

КЕРОБА НА ПРАЗДНИК ШАВУОТ¹

Риздается глас Божий,
Всевышнего близится шаг,
Все сверкает кругом,
Пламенем воздух объят, и звезды дрожат,
Одеты огнем...

Оглушительно
Грубные звуки несутся с высот,
В лоскуты, что подобны увядшей листве,
Разрывается небосвод...

Трепет и ужас
Народами и кумирами овладевают,
Сирион и Ливан молодыми быками
Перепуганно скачут, копыта сбивают,

И лишь Табор, Башан и Кармел
Возвышаются гордо, на судьбу уповая,
Ищут милости от Спасителя ожидая...²

И земли достигают слова:
Я — твой Бог, о Израиль, Я — Щит твой,
Прибежище вечное,
Я — Господь всемогущий,
Всегда справедливый Судья,
И деянья питает Мои правота безупречная...

Захочу, возведу храм во чреве земном,
Исполинский дворец в небесах Я построю,
Путь светил, как дорогу коней, изменю,
Путь волнам в океане
Стеной нерушимою перекрою...

Захочу Я — и гром прогремит,
Вспыхнут молнии, разольются дожди,
Орошая цветы и невзрачные тернии,
Охраняю Я все, что дыханьем полно,
Повелитель всех душ, всем дарую по вкусу
Букет наслаждения...

Жизнь и смерть раздаю,
Но живу веки вечные Сам,
Величаво бросая вокруг чудеса и знамения,
Покровитель Я твой, и в союзе со Мной
Через предков твоих
Состоят все колена твои,
Все твои поколения...

Я от бремени варваров защищаю тебя,
Морской бездне, как хищника пасти,
Поглотить их велю,
Я пути открываю тебе чрез моря,
Сладкой манной в пустыне³
Тебя Я кормлю...

И народом любимым тебя Я избрал⁴,
Дорогим, как никто никогда
Для Меня не бывал.

Дунаи бен Абрат

(X в.)

Поэт и филолог,
первый разработавший
ивритские аналоги
арабской метрики
и применивший их
в еврейской поэзии.
Родился в Багдаде,
затем по приглашению
выдающегося политического деятеля
и мецената Хасдая ибн Шапрута
переехал в Испанию,
в Кордову.

С пободой Господь Своих чад наградит.
И звуком имен их — весь мир усладит.
Как ока зеницу Он их охранит —
Он отдых субботний и радость дарит...

Найди же мне дом, снова Храм обустрой,
Спасения знак сотвори надо мной,
Укрась виноградник мой свежей листвою,
Внемли же тому, кто был избран Тобой.

Пусть скот мой раздавит гнилой виноград
И злой Вавилон, что беде моей рад.
Пусть гнева священного стрелы разят
Врагов моих. Слышишь ли, Правый Сто Крат?

Господь мой, оазис в пустыне создай,
Акацию, мирту росой напитай.
Тебя убоявшихся не упрекай,
Ты мир полноводный, как реки, им дай.

О Бог, наших недругов злых сокруши,
Грусливыми сделай их, силы лиши.
Уста нам открой и воспеть разреши
Тебя, чьи деянья всегда хороши.

Познай же, душа моя, мудрость Его —
Венец золотой для чела твоего.
Блюди Божье Слово превыше всего,
Чти святость субботнего дня своего.

Самуил Танагид

(982–1055)

Государственный деятель,
военачальник, ученый и поэт.

Родился в Кордове,
затем уехал в Гренаду,
где прошел путь
от ученика зеленищика
до визиря халифа.

Автор философских работ
и героических касид,
книг «Бен Мишле» («Сын Книги притч»),
«Бен Тегилим» («Сын Книги псалмов»),
«Бен Когелет»
(«Сын Книги Экклесиаст»).

ОДА ПО СЛУЧАЮ ПОБЕДЫ ГРЕНАДЫ НАД СЕВИЛЬЕЙ В СЕНТЯБРЕ 1039 ГОДА

Хвала Богу грозного мщения,
Богу силы, Защитнику правых.
Хвала Святой Торы Хранителю,
Властителю душ и умов.

Хвала Творцу милосердному —
в смертельной битве с Агагом⁵
Он нас одарил победой,
хоть враг был хитер и суров.

Разбиты наши соперники,
смердят по полям их трупы.
Лежат, как меха раздутые,
как стадо стельных коров.

И слуги лежат, и правители,
рабы по соседству с владыками,
Валяются, точно мусор,
остатки кровавых пиров.

Спаслись единицы из тысяч,
как редкие виноградины,
Как одинокие гроздья
в пору уборки плодов.

И стерта с земли испанской
память об Амалике,
О войске его презренном
отныне во веки веков.

Пускай кабанам и стервятникам,
волкам голодным в подарок
И львицам на корм их львятам
достанется мясо врагов.

И пусть пресыщаются падалью,
кровавым питьем упиваются,
Ведут хороводы шакалы
под леопардовый рев.

Разрушены башни и стены —
защитники вражьей столицы,
И пала обитель презренных
под натиском грозных полков.

Во всех городах и селеньях
слышна наша гордая поступь,
И кажется гимном прекрасным
нам гул от победных шагов.

Когда от роду год всего,⁶
 ребенок ползает змеей,
 Как только на ноги встает,
 запрыгать норовит козой.

Двадцатилетний удалец
 красоткам жаждет угодить,
 Тридцатилетний, не страшась,
 готов и бурю укротить.

Сорокалетнему привет,
 как другу, дарят старики,
 А в пятьдесят уж — седина,
 прошли счастливые деньки.

Немилосердный перст времен
 коснется сердца в шестьдесят,
 Сгибают в семьдесят года,
 и вниз глаза уже глядят.

Восьмым десятком сети лет
 охватят так, что не вздохнуть,
 А в девяносто кто поймет,
 к зиме иль к лету держим путь.

Столетний будто говорит:
спеши взглянуть в последний раз.
Когда в могилу мы сойдем,
один червяк оценит нас.

Печален наших дней итог,
туманит грусть мои глаза,
И плачу я, и сердце жжет
бессилья горькая слеза.

К то книг без счету накопил,
но ни одной не прочитал,
С безногим схож, что на стене
портрет ноги нарисовал:
Один надеется ходить
своей рисованной ногой,
Другой уверен — в один миг
он поумнеет сам собой.

*И*зменчив у погоды нрав:
животворящий дождь дарит,
А следом град сечет посев,
ростков зеленых не щадит.
Так и глупец: вначале он
благодаянье совершит,
А после рану нанесет,
как враг смертельный оскорбит.

*И*мей приятные слова
всегда в запасе для троих:
Для всемогущего царя —
отрады подданных своих,
Для страждущего бедняка,
чей вздох, как шорох ветра, тих,
И для улады наших глаз —
красивых женщин молодых.

Соломон ибн Табузолъ

(1021–1058)

Поэт, философ и лингвист.

Родился в Малаге,

рано остался сиротой.

Жил в Сарагосе, Гренаде,

умер в Валенсии.

Значительно расширил число размеров,

применяемых в еврейской поэзии,

и явился одним из основоположников

зеджеля (своеобразной формы зонга).

Автор поэмы «Царский венец»,

трактата «Источник жизни»,

стихов национально-религиозного

содержания

и философской лирики.

СКОРБНАЯ ПЕСНЬ

---

*П*ристало ль мне уже в шестнадцать лет
Прослыть певцом житейских мук и бед?

Не лучше ль, как ровесники мои,
Встречать беспечно вечер и рассвет?

Но рано ощутил я сердца власть,
Стать праведным и мудрым дал обет.

И рано юности огонь погас,
И в скорби я увидел яркий свет.

Стенанье, плач мою сжимают грудь,
Когда веселью я гляжу вослед.

Но слезы — ложь! Надежда — лишь обман!
В них никакого облегченья нет.

Когда ж судьбой бальзам мне будет дан,
Что исцеляет от смертельных ран?

Ночь простерла свои крылья
Вслед за солнцем ярколиким.

И под темным покрывалом
Сном забылись базилики.

Шлет луна в венце зеленом
Света дремлющего блики,

Бледным облаком объята
С жадной нежностью владыки.

Все застыло. И лишь мирта
Оживляет мир великий,

В сладкой благостной истоме
Источая шорох тихий.

Одинокий в ночь гляжу я,
Как изгой, кочевник дикий.

“И чего ты ждешь здесь?” — шепчут
Мне светил небесных лики.

О ТОМ, КАК НА ПИРУ У НЕКОЕГО МОИСЕЯ КОНЧИЛОСЬ ВИНО

---

*В*ино иссякло. Бедствие какое!
Глаза полны слезами... и водою.

Хоть был силен семидесяти жар,
Но девяносто залили пожар.⁷

Поникли песни грустной головою,
Рты песнопевцев булькают водою.

Как насладиться прелестью еды,
Когда бокал прозрачен от воды!

От рук Моисея расступилось море
И высох Нил, с своей судьбой не споря.⁸

Зато у нас с Моисеем, вот беда,
Куда ни глянь — вода, вода, вода!

Я скоро мокрою лягушкой стану
И квакать как начну — не перестану.

И буду петь, не ведая стыда,
Ква-ква, вода, ква-ква, вода, вода!

Пройдут года, и, точно Рехавиты,⁹
Я буду на вино взирать сердито

И говорить: “О дети и жена,
Тащите воду, воду... и вина!”

С улят покой слова моих друзей.
О тщетный труд бессмысленных речей!

Рассвета жду, но нет мне исцеленья,
И корчусь в муках я во тьме ночей.

И не вздохнуть мне вольно полной грудью,
И не сдержать кипящих слез ручей,

Неиссушимый пламенем голодным
Халдеями растопленных печей...¹⁰

Кругом твердят: лови момент удачи,
Забудь о чести, гордости своей.

Вкушай все блага жизни, а иначе
Останешься один среди людей...

Ну что ж, сад жизни, видно, уготован
Лишь для глупцов и алчущих ханжей.

Пусть они ищут жадною рукою
Незрелые плоды промеж ветвей,

Лев царственный не снизойдет до сена,
Не заскулит собакой у дверей.

Стремлюсь всем сердцем в океан Вселенной,
Песчаный берег чужд душе моей.

Принадлежу я к роду непокорных.
Судьбе капризной жизненных путей

Я не доверю. Властелином гордым
Себе останусь до скончания дней.

Пусть моя доля засухе подобна
И не вкусить живительных дождей

Моей житейской ниве, но свободный
Иду, палящих не страшась лучей.

Я поэт, мне подвластен упрямец аруз,¹¹
Я как арфа золотая для бардов и муз!
Моя песнь — украшение для царской короны,
Диадема на самый изысканный вкус!

Как петь мне, когда песня ныне —
умом убогих достоянье!

Ее в лохмотья нарядили,
сорвав царицы одеянье,

Рукою, грязью оскверненной,
с престола царского низвергли,
Пророков сделали шутами...
Огни священные померкли...

Мужей науки отвергая,
глупцы тщеславные ликуют:
Что им до истины — прославить
они готовы ложь любую.

Наука им — желанный повод
блеснуть словечком новомодным,
Пустой болтун себя бесстыдно
мнит Аристотелю подобным.

Певцом себя считает всякий,
кто бойко вирши сочиняет.
Теперь и карканье вороны
чудесной песней величают.

Явись же, доблестный Пинхеас,¹²
взмахни вооруженной дланью,
Избави от прелюбодеев
ты музу — нежное создание!

О поколение бездарных!
Я знаю, ненависть разбудит
В тебе мой стих. Пускай! Навек он
тебе клеймом позорным будет!

Жизнь влачим мы в униженьи,
 в нищете, в цепях презренья.
 Наша доля — мрак и тленье,
 искры света не видать.

Раб повелевает нами,
 и рабы давно мы сами —
 Бедной пленнице в изгнании
 Бог судил служанкой стать.¹³

Дней былых уж нет в помине,
 но Его она доныне
 Ждет в обличии рабыни,
 умоляя зло унять.

Есть предел всему на свете,
 нет конца лишь мукам этим.
 Все сильней удары плети,
 нечем раны исцелять.

Волны рвут ладью на части,
 весла сломлены ненастьем,
 И останется несчастным
 смерть в пучине вод снискать.

Под плевками мы страдаем,
под ярмом изнемогаем.
В прах затоптаны стенаем.
Долго ль желчь обид глотать?

Лев нам тело разрывает,
коршун в сердце клюв вонзает.
Лишь один нас оставляет,
тут как тут другой опять.

Но я верю без сомненья —
дня святого искупленья,
От оков освобожденья
не придется долго ждать.

Глас Господний раздается,
трубный звук с вершин несется.
Он раскатом отзовется,
обращая реки вспять.

И явится Избавитель,
Страж Сиона, Повелитель,
Наш Защитник и Спаситель
свет свободы даровать.

*Д*ревний корень Давида,
надолго ль могильной плитой
Ты сокрыт под землею,
бесплодный, окутанный тьмой?

Внемли звукам весенним
и к солнцу пробейся ростком.
Неужели навеки
царю суждено быть рабом?

Кто Всевышнему предан —
забит и унижен в неволе,
Кто хитрей и наглей —
гордо ныне сидит на престоле.

Вот уж тысячу лет
я в изгнании, филину друг,
По пустыне скитаюсь,
мой путь словно замкнутый круг.

Возвести же конец мне,
о ангел святой Даниила!¹⁴
Не разверзлись уста.
Скрыт конец. Жизнь, как прежде, постыла...

ЭЛЕГИЯ НА СУДНЫЙ ДЕНЬ

Беспокойное сердце, забудь
о страданиях земных и скорбях.
Близок день, когда брeнная плоть
обратится в безжизненный прах.

Все в безмолвную бездну уйдет,
годы память бесследно сотрут.
Из сокровищ мирских ничего
не возьмешь в свой последний приют.

Горько слезы о жизни не лей.
Что в них пользы, хоть выплать до дна.
Ты уносишься птицы быстрее
в мир, где вечно царит тишина.

Быть владыкой и славу вкушать —
суета и ничтожество суть,
Роскошь — ложь, власть —
бесстыдный обман,
мишура освещает твой путь.

Расплывется, растопчется все,
для чего ты трудился, страдал,
И другому достанется то,
чего ждал и о чем ты мечтал.

Но тебе, вечный дух, суждено
перед смертью не зря трепетать.
Беззащитным иль сильным ты был,
не удастся суда избежать.

Жизнь — лоза, отпрыск смерти. Конец
ожидает любого из нас.
Помни Господа. С думой о Нем
легким будет возмездия час.

О душа, ныне полная лжи,
удовольствуйся хлебом сухим,
Робким голубем Бога ищи,
от раскаянья плачь перед Ним.

Неустанно, пока хватит сил,
о спасении вечном радей.
Божью волю исполнить спеши,
свое сердце в молитвах излей.

И когда в неземную страну
ангел смерти тебя призовет,
Милосердный всемогущей рукой
в сад небесный тебя вознесет.

Моисей ибн Эзра

(1055–1139)

*Поэт, филолог и философ.
Родился в Гренаде,
жил в Кастилии.
Автор трактата
о поэтике и риторике,
стихов о любви, вине,
природе, вошедших,
в частности, в сборник
«Таршиш» («Хризолит»).*
*Ввел в еврейскую поэзию
форму теджнис
(рифмовку на омонимы)
и довел ее до совершенства.*

Луна мне серебряный блик подарила,
Любви пелену опустила на веки.
О черные косы — беззвездные ночи,
Душа моя — пленница ваша навеки!

Упругие груди красотки задорной,
Вы — стрелы, что ранят меня обе разом.
Как сладки мгновенья полночных свиданий!
Все горше дни наших разлук с каждым разом...

Прелестная дева, сокровище юга,
Ей танцы и песни — родная стихия.
О в брызгах веселья кипящая юность,
Тобой опьяненный, слагаю стихи я!

*Д*ождь оросил весенний сад и луг.
Искрится радуги упругий лук,
И роза, и слезоточивый лук
Возносят гимны радости рожденья.

Сверкает свежих красок яркий цвет,
Смеется звонко вешний первоцвет,
Земля-красавица, Вселенной цвет,
Под плач небес меняет украшенья.

О дочери лозы, пленен
 я сетью ваших нежных чар.
 Дарует силы мне вино,
 струясь рекой из полных чар.
 Из нищих делает вельмож
 оно волшебной властью чар,
 И в дни скитаний и разлук
 бокал — целитель мой и друг.

Вино прохладой освежит,
 когда жарой объят весь свет,
 От зноя тенью защитит,
 уймет лучей палящих свет.
 Когда мороз, как лютый враг,
 нежданно явится чуть свет,
 Согреет и спасет от мук
 меня хранитель вин — бурдюк.

Свет найдет мою любовь глупой и смешной,
Но я сердце затворю от насмешки злой.
Ты жестока, но смирюсь, как невольник твой, —
Еще горше мне страдать, разлучась с тобой.

Без тебя мне белый свет — мрак и темнота,
Мир — пустыня, счастья луч — тщетная мечта.
Но не усладит нектар жадные уста —
Для других цветущий сад сотворен судьбой.

Молодая лань, красой ты пленяешь львов.
Боль отчаянья даришь и лишаешь снов.
Нет прощенья тебе, но сильна любовь —
Лик прекрасный каждый миг вижу пред собой.

Грудь моя огнем горит... Слезы душат... Пусть!
Болен я, но укротить муки не стремлюсь.
Пока мир стоит, тебе верным быть клянусь!
Будь же счастлива весь век в день и час любой!

ЗАГАДКА

Она в темной ночи вам служить рождена.
Точно пальма, что тянется к небу, стройна.

Как копье золотое, пряма и остра,
Она солнцу и звездам лучистым сестра.

На щеке ее искра-слезинка дрожит.
Пламя точит ей тело и смертью грозит.

Но продлить краткий век ее можете вы
Отсеченьем горячей ее головы.

Нет другого, подобного ей существа.
Так к кому же относятся эти слова?

(Свеча)

Иегуда Талев

(1075–1141)

*Поэт, философ и врач,
которого Г.Гейне назвал
«звездой своей эпохи»,
«солнцем своего народа».
Родился в Толедо (Кастилия),
жил в Кордове.*

*Умер, по всей вероятности,
в Египте. Автор философского труда
«Сефер Кузари» («Книга Хазара»),
любовной лирики и множества стихов,
в которых
интимные религиозные переживания
сливаются с национальными
чаяниями народа.*

Мой милый искуситель, проказник молодой
В моих глазах увидел себя перед собой.
Без устали уста его глаза мне целовали.
Кого же целовал он, меня иль образ свой?

Скорее пробудись. Любовью покорен,
Я взглядом милых глаз мечтаю быть сражен.
Быть может, снятся тебе губ прикосновенья?
Проснись, я объясню загадочный твой сон.

Ланиты-розы жадный взгляд срывает...
Уголья уст уста-щипцы лобзуют...¹⁶
Гранаты-груди – дерзких рук трофей...
О демон страсти, кто тебя сильнее.

Офра одежды моет в слезах моих очей,¹⁷
И ни к чему ей вовсе ни море, ни ручей...
Но незачем и солнце ей,
                                чтоб высушить наряд, —
Огонь в глазах любимой — светила горячей!

Недавно встретился тайком я с милою моей.
Увидел снова пламень щек и водопад кудрей,

Что, как блистающий опал,
хрусталь висков затмил
И красотой, как волшебством,
меня приворожил.

Как солнца утреннего луч, она явилась мне,
И засверкали облака в небесной вышине.

Земля, вчера еще младенец,¹⁸
    глотающий жадно дождь осенний,
Под белой свадебной фатою
    сегодня жаждет наслаждений.

Но к ней спешит весна-подруга,
    несет наряды, украшения,
И постепенно отступает
    недуг любовного томленья.

Земля наряды примеряет,
    меняет краски то и дело
И под ковром цветов скрывает
    девичье молодое тело.

Гут белый цвет, а там зеленый,
    вон красный, точно губы милой,
Что поцелуем драгоценным
    возлюбленного одарила.

Кто сотворил всю эту роскошь,
    лучей сплетенье, глаз сиянье?
Быть может, звезды растеряли
    сверкающее одеянье?

Возьмем вина и в сад с ним выйдем,
пускай оно шипит, искрится,
Бокалам стройным даст прохладу,
внутри нас пламенем струится.

Пускай из глиняных кувшинов
оно взметнется вихрем пенным
И плещется в прозрачных кубках,
смешавшись с запахом весенним.

Бродя в аллеях затененных,
вдыхая аромат чудесный,
Мы веселимся безмятежно
под звуки музыки небесной.

И с нами вместе веселится
земля — невеста молодая.
Она ликует и не слышит,
как плачет туча дождевая.

Несут ей радость капли-слезы,
что на лице затрепетали,
Ведь блеском и красой подобны
они жемчужному вуалю.

Восторженно земля внимает
прелестных птишек щебетанью,
Голубки нежному призыву —
пленительному воркованью.

Благоухая ожерельем,
сплетенным из ветвей зеленых,

Она кружится среди листьев,
живою влагой напоенных.

И грациозному движенью
за нею вся природа вторит.
И буйным праздником весенним
с зимою уходящей спорит.

Пусть пришла пора расстаться,
но не уходи, постой!
Дай в последнее мгновенье
взглядом встретиться с тобой,
Дай напомнить дни свиданий,
трепет нежности былой,
Дай припомнить миг лобзаний
под покровом тьмы ночной...
И тогда во сне, быть может,
мне явится образ твой,
Чтоб хотя бы в сновиденьях
рядом ты была со мной.

А когда в могилу лягу
под холодный тяжкий кров,
То и мертвый я услышу
легкий звук твоих шагов,
Шелестящий шорох платья,
аромат твоих шелков...
И во мне твой голос кроткий
вновь любви разбудит зов.
Для тебя не жаль мне жизни,
я отдам ее без слов, —
Чтобы дни твои продлились,
стать рабом тебе готов!

Как давно уж мне не слышен
        нежный шепот милых уст!
Из глубин моего сердца
        звук его раздастся пусть.
За тобой душа стремится,
        мне осталась только грусть —
Без души я — тень без тела,
        человеком лишь кажусь.
Снова тело слить с душою
        страстно жду я не дождусь.
Чтобы ты назад вернулась,
        я Всевышнему молюсь.

Как мелодичен голос твой
и как прекрасен лик.
В тебе туманный свет луны
и солнца яркий блик.

Как ворона крыло, черны шелка твоих кудрей,
И звезд сияньем полон взор
пленительных очей.

Налюбоваться не могу, глядя тебе вослед,
“Блажен творящий тьму, — шепчу, —
и создающий свет”.¹⁹

Мечтаю только об одном —
с тобою рядом быть,
Под балдахином наш союз навеки освятить.²⁰

Сиона дочери, когда настанет и для вас
Любви желанная пора, и милосердья глас

“Восстань, скиталица, очнись!” —
призывно прозвучит,
И заревом рассвета Бог
вам счастье возвестит.

Я не боюсь людской вражды и злой тоски.
Мне не страшны нужды безжалостной тиски:

Науке преданность и знаний благодать —
Богатства горы, что до неба высоки.

Когда я голоден, наука мне сулит
Открытий яства, а не жалкие куски.

Я жажду чувствую — она велит: смотри —
Разливы мудрости, что реки широки.

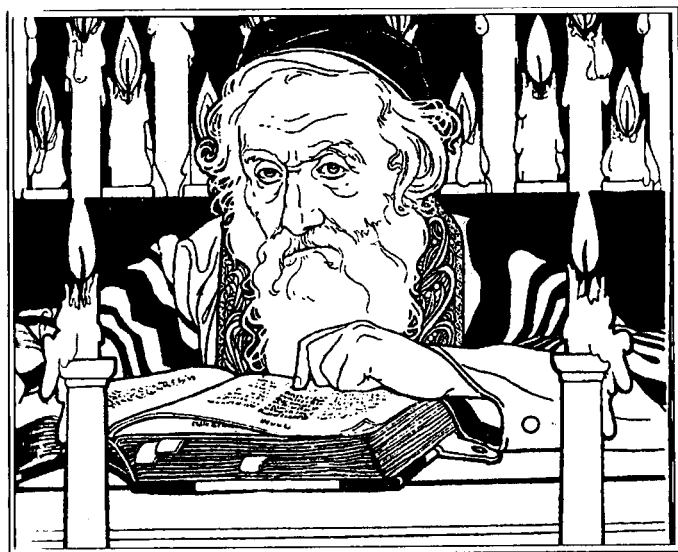
Когда настигнет меня горькая печаль,
Она зажжет над ней веселья огоньки.

В ее речах и утешенье и совет,
И пусть друзья, как дни блаженства, далеки.

Она мне — сад и виноградников плоды,
И звуки уст ее, как пенье арф, легки.

Из кудрей чернявых вырвав
 волосок седой и ломкий,
 “Погоди, хозяин милый, —
 услышал я голос тонкий, —
 Я — лазутчик-одиночка,
 и не ведать мне спасенья,
 Но учти, что вслед за мною
 полк готовит наступленье”.

Всей земли теперь богатства
не нужны мне. Только жажду
Меж твоих грудей покоя,²¹
наслажденья вздохом каждым.

Угнаться ли за молодостью нам
Вослед летящим в сумерки годам,

Предпочитая в суете бесплодной
Служить не Богу, а его рабам?

Отвергнуть ли священный лик Господний,
Раздав любовь безликим господам?

Продать за чечевичный суп холодный
Предназначенья высшего бальзам

И, алчущей души услышав шепот,
Предаться о сокровищах мечтам?

Но отворотись от пустоты убогой
И, приклонясь к Всевышнего стопам,

Отвергни все пять чувств и стань угоден Богу,
Пока не кончен путь к последним берегам.

О радость мира, жемчужина стран,
мечтой о тебе зачарован.
К тебе на Восток рвется сердце мое,
но к Западу я прикован.

Никто не измерит скорби моей
о прежнем твоём величьи.
Скорби о том, что былём поросло
и скрылось под мертвым обличем.

Мне бы пуститься в орлиный полет,
твой прах оросить слезами,
Где скорпионы и змеи кишат
вместо живого бальзама.²²

Мне б поцелуем прижаться к камням,
пламенем битв опаленным.
Сладок, как мед, был бы мне аромат
развалин твоих запыленных!

И в покое и в тревоге сердце
 Бога прославляет,
 И Божественная Радость
 душу мне переполняет.

И когда корабль крылья,
 точно страус, расправляет,
 Я ликую, как ребенок, что еще забот не знает.

Если же волна морская
 пеной вспыхнет в упоеньи,
 То в груди моей вскипает
 буйной страсти наслажденье.

Не страшит меня опасность —
 африканские пираты
 И чудовища морские, те, что злобою объаты.

Не гнетут меня печали и заботы о богатстве,
 Сожаленья о потерях
 в Эспаньольском государстве.

Но терзает мою душу
 с милой дочерью разлука,
 Безвозвратная утрата дорогого сердцу внука.

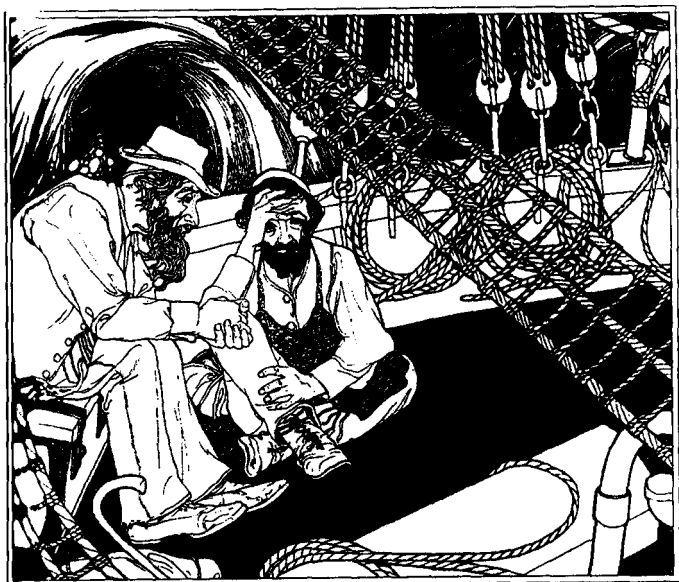
Драгоценная подруга, что душе была отрада,
Я тебя навек оставил, о единственное чадо!

О дитя мое родное, внук прелестный Иегуда,
Кто залечит мою рану, как тебя я позабуду!

Но я стойко и смиренно казни вынесу любые,
Лишь бы Бог с благословеньем
мне открыл врата златые.

На Его алтарь священный
я, как жертву всесожженья,
Принесу все без остатка
чувства, мысли и стремленья.

И свидетельством послужит
моя скорбная могила,
Что в Земле Обетованной
пилигрима приютила²³.

Авраам ибн Эзра

(1092–1167)

*Поэт, философ,
лингвист, астроном.
Родился в Толедо,
две трети жизни
прожил в Испании,
затем путешествовал по свету.
Умер, предположительно,
на границе Наварры
и Старой Кастилии.
Автор просветительских трудов,
поэмы «Хай бен Макиц»
(«Живой сын Бодрствующего»),
философских стихов.*

Лицом к лицу, отрядом на отряд
Два короля ведут своих солдат.
Кипит война и храбро бьются оба,
Они побед и почестей хотят.

И дерзко наступая полукругом,
Они уже не могут друг без друга,
Но все молчат, не рвут мечей из ножен,
Ведь это — битва мыслей в час досуга.

Нам вечной жизни не дано,²⁵
 Всем в прахе сгинуть суждено...

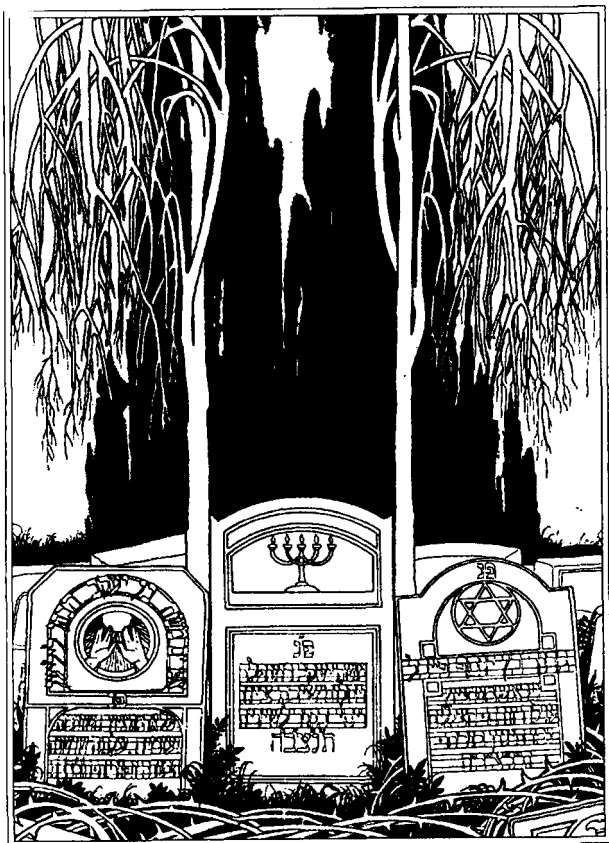
Как пятилетнему ребенку жить легко,
 Проводит дни он в играх безмятежно,
 То на отца усядется верхом,
 То мать обнимет преданно и нежно...

К чему в десятилетнего вбивать
 Уроки нравственности разумом холодным —
 Ему всю жизнь себя дрессировать,
 Пусть поживет беспечным и свободным...

Как только промелькнет двадцатый год,
 Так человек порывистым оленем
 В житейский бросится круговорот,
 Но сеть любви согнет его колени.

Вот тридцать лет — и в дом вошла жена,
 Прощай беспечность, кончена свобода.
 Теперь осталась цель всего одна:
 Сберечь семейство вопреки невзгодам.

Вот минуло уже и сорок лет.
 Пришло презрение к призрачным мечтаньям,

И насладился жизнью или нет,
Ты одинок, как путник в дни скитанья.

Весов клонится чаша в пятьдесят.
Близка печаль, приходит утомленье,
Очарованье вянет, гаснет взгляд,
И раздражает юности веселье.

Что делать человеку в шестьдесят?
Опасностей мирских остерегаться,
Остатки сил былых не расточать.
О годы, как ручей они струятся!

Когда настал семидесятый год,
Покинут всеми, позабыв о силе,
На посох опершись, едва бредет
Безмолвный старец к сумрачной могиле.

Восьмой десяток — на покой зовет,
Детей от бремени освободить стремится,
Все мысли, чувства колесят вразброд,
Питье невкусно, яства — как горчица...

Быть может, дальше суждено влачить
Печальный груз под небосводом мглистым,
Но благо мужу, если век прожить
Сумел, как странник праведный и чистый.

Ведь вечной жизни не дано,
И в прах уйти нам суждено!

Звезды в заговор вступили
в ночь, когда я нарождался,
Оттого не удастся мне,
за что б я ни принялся.

Торговал бы я свечами —
вечно солнце бы светило.²⁶
Шил бы саваны умершим —
смерть бы к людям путь забыла.

Постучусь я в двери князя —
“он из дому уезжает”,
Вечером являюсь снова —
“князь давно уж почивает”.

И беднейшему страдальцу
остается жить, как прежде,
С нищетой не расставаясь,
как с прорехами в одежде.

Иегуда Алхарици

(1170–1235)

*Один из последних
крупных еврейских
поэтов Испании.*

*Место его рождения
в точности не известно,
но сохранились сведения,
что он много странствовал по свету.*

*Автор большого числа стихов
и сборника макам «Тахкемони»
(«Ты меня умудряешь»),
переводчик произведений европейских
и восточных авторов на иврит.*

Скупость и в служанках ни к чему —
В мире щедрость госпожа всему,

Без нее исчезло бы давно
Все приятное и сердцу и уму.

Ради щедрости Всевышний сотворил
Злато-серебро и сладкую хурму.

Море гнева царского смирить
Только щедрому под силу одному.

Чьи заслуги высоки, как у нее! —
Дарит мощь она народу моему.

И прославить по достоинству ее
Языка не хватит никому.

*Р*ука твоя закрыта для просителя,
Как дева для мужчины-искусителя.
Когда бы мать твоя такою же была,
Тебя бы никогда не родила.

С тупеней в жизни три, но не ко всем стремись.
Последней избегай, на первой не таись.
От крайностей всегда несчастья одни,
Средина же дарит благополучья дни.

Спроси отца твоего, и он ответит тебе,²⁷
 Что каждый из нас сам —
 хозяин своей судьбе.

Что только взамен на добро
                возвыситься нам дано,
А сотворившему зло гибель найти суждено.

Как поступишь, так и получишь,
к чему лить слезы, скорбя?
Ты сам украшаешь свою ступень,
а не она тебя.

*В*згляните, как усердно молится старик, —
Одежды белизна и благородный лик.
А в сердце его фальшь
и преданность порокам,
И через мнимой чистоты родник
Нет-нет и грязь проглянет ненароком.

Подобен торгу мир, и люди в нем —
 соперники.
 Кто сердцем чувствует зловещий
 ход времен,
 В расселину скалы, как жители пещерные,
 Сокройтесь, пока мир тщеславьем опьянен.

А мне что выбрать в этом мире злом,
 Искать убежищ потаенных тень?
 Под мироздания благостным шатром
 Ждать, что настанет просветленья день?

Но отвергаю благостный шатер
 И тщетных ожиданий приговор.

Княжна, ты удивительна в деяниях своих.
Знатна и обольстительна
для принцев молодых.

Что из того, что в сыновья тебе они годятся,
Богатство, вот что главное, и нечего смеяться!

Когда б взглянула в зеркало,
забыв вдруг о делах,
Лицо б твое осунулось,
в глазах мелькнул бы страх.

Ну и пускай краса твоя
мала, как мужа годы,
Твое богатство велико, как лет тебе от роду!

Чем спор будет кончен,
                                блоха ждать не стала.
Другого поэта кусать ускакала.

Новое нам приятно и мило,
Когда постареет — станет постыло.
Вино же, сколько бы ни старело.
Ни людям, ни Богу не надоело.

Шимонуил Тароми

(1265–1330)

*Наиболее яркий и оригинальный
еврейский поэт из живших
в средние века в Италии.*

*Автор новелл,
сатирических произведений
в форме стихов
и рифмованной прозы.*

*Ввел в поэзию на иврите
итальянский сонет.*

Если б не боялся Бога
    и народа осужденья,
 Красоте б алтарь построил
    я, вне всякого сомненья,
 И поскольку все красоты
    мне милы без исключенья,
 Я б на всех на них молился
    в знак особого почтенья.

*Р*аю ад я предпочел бы:
Скучно до смерти в раю,
Где безгрешные старухи
Сохраняют честь свою,

Где царит лишь добродетель —
Скуки и тоски сестрица,
Где мораль оберегают
Безобразнейшие лица.

Нет, уж лучше в ад попасть мне:
Там толпа премилых грешниц,
И улыбки расточает
Рой молоденьких прелестниц.

Взоры их пылают страстью,
Голоса полны томленья.
С ними ад мне будет в радость,
Рай без них — одно мученье.

Как счастлив я, что милая моя
Моим мольбам сегодня уступила:
Венец любви — свиданье — посулила.
Как бьется сердце, радость не тая!

Уже пора смущенье прочь прогнать,
Так скоро долгожданная минута!
Но жжет меня сомненье почему-то:
О, как бы в нужный миг не оплошать!

Самой судьбой любовь мне суждена.
Она моя надежда и улада.
В ней бытия всего земного свет.

Упьюсь же ею. Большого не надо,
Пускай царит во мне она одна,
На персях милой не познаю бед!²⁹

Любовь законов никаких не знает,
 Не ведает ни страха и ни веры.
 Что ей страдальцев праведных примеры —
 Слепа, глуха и слабых презирает.

Любовь — горящий факел, что сияет
 Могуществом и гордостью Венеры.
 Она не знает ни границ, ни меры
 И побеждает всех, кого желает.

И я среди поверженных в сраженьи,
 И лишь один Амур повелевает
 Печалью и тоской, что грудь мою теснят.

И как я ни молю о снисхожденьи,
 Он мне высокомерно отвечает:
 “Я этого хочу — пей сладострастья яд!”

*П*ознание — лестница, что на земле стоит,
Но в небо открывает нам дорогу.
И будь ты хоть левит, хоть неопит, —
Чем выше ты на ней, тем ближе к Богу.

Смотрю я с грустью: быстротечны дни,
Тускнеет солнце, близок час заката...
И ноет сердце в ожиданьи ночи.

Как зданье рушится — глядеть нет мочи...
И нет уж тех, кого любил когда-то —
Давно меня покинули они.

Погасли дружбы преданной огни,
Нет ни отца, ни матери, ни брата,
И больно мне. Как мир вокруг непрочен!

И одиночество мне увлажняет очи —
Нет утешенья, мы с судьбой одни.

Если б не стыдился перед Богом,
Я бы сам покончил счета с жизнью.

Что в ней пользы — мудрости потоки
Обмелели, как ручей капризный,

Глупость, ложь и ханжество у власти,
Разум никому не нужным признан.

Исаак Лурия

(1534–1572)

Религиозный поэт, философ.

Родился в Иерусалиме,

жил и умер в Цфате.

*Его труды были изданы
после его смерти учениками*

и последователями

под названием «Эц хаим»

(«Древо жизни»).

*Ш*есть дней Ты трудился,
и вот наступил день седьмой.

Мир создан. И отдых
раскинул шатер над землей.

Отныне усталому сердцу
одно утешенье —
Субботний покой...

Дарованный детям Израиля
миг возрожденья —
Субботний покой...

Души обновленье
для всех, угнетенных тоской,

Целебный бальзам
для того, кто изломан судьбой,

Для духа плененного
радостный вздох облегченья —
Субботний покой...

Дарованный детям Израиля
миг возрождения —
Субботний покой...

Из ивритской
поэзии
нового времени

Моше-Хаим Луццато

(1707–1747)

*Поэт, драматург,
философ-мистик.
Родился в Падуе,
затем переселился в Амстердам,
а после — в Палестину.
Автор пьес «Мигдал оз»
(«Крепкая опора»),
«Маасе Шимшон»
(«Деяния Самсона»),
«Ле-Иешарим тхилла»
(«Праведным слава») и др.
Творчество Луццато —
своеобразный мостик
между еврейской литературой
средневековья и Гаскалой —
еврейским Просвещением.*

И зо всего, что вижу ежедневно,
Одно лишь для меня непостижимо:
Как ныне говорят о мире нашем,
Что он уж создан? Пуст он и безвиден!³¹
Взгляни направо, посмотри налево.
Что в нем по справедливости, по чести
Устроено? Я всюду наблюдаю,
Как пышно зло цветет.
Оно над нами ястребом взмывает
И властвует. Безмыслие и злоба
Влекут народы за крикливой ложью,
Правдивые унижены до праха,
Забыты те, кто верным быть стремился,
Над непорочными кругом смеются,
Чистосердечных дураками дразнят
И козни строят им.
Коварство ныне — мудрость, наглость —
знание.

Орлом бы стать,
И разорвать бы сеть лесных ветвей,
И воспарить над вечными горами,
Передохнуть спокойно дать душе
Усталой, растворившейся бесследно
В пучине городского ликования...
Вон юноша пасет свои стада.
Найдется ль доля лучшая на свете?
Смиренны чувства, помыслы его,
Не жаждет сердце юное величья.
Ему бы лишь овец
Водить на водопой,
Пить самому их молоко и видеть,
Как на Востоке багровеет солнце —
Источник нескончаемых потоков,
Всегда и безотказный, и нелживый.
Он бодр и весел, песню распевает.
Следя за стадом с пастырской заботой,
Окидывает взглядом горы, травы
И славит Господа.
Как счастлив он,
Как для него приятна жизнь такая,
Как сладки дни, наполненные негой.
И если мир безжалостно низвергнет
В немилость молодого пастуха,

Презрит он это без волнения и страха,
Возрадуется бедности, и зависть
Не посетит бесхитростную душу.
Ему шалаш милей чертогов царских,
Сума и посох для него — свобода.
И девушка, дарованная Богом,
Ему и наслаждение, и опора.
Он радуется ей, она — ему,³²
Не знают зла они. А рядом с ними,
Как ростки оливы,
Восходят дети их, что каждый миг
За выпавшую им на свете долю
Родителей своих благодарят.

Иегуда-Лейб Тордон

(1830–1892)

Поэт, прозаик,
самый примечательный писатель
Гаскалы в Российской империи.
Родился и вырос в Вильно,
преподавал в Паневежисе,
Шауляе и др. городах.
После погромов,
прокатившихся по России в 1881 г.,
обратился к палестинофильству.
Автор книги «Олам ке-Минхаго»
(«Мир как он есть»),
гражданственно-публицистических стихов,
переложений на иврит
классических басен «Мишлей Иегуда»
(«Басни Иегуды»).

Как унижен мой народ!
Зло изъязвлен и убог,
Лжепророками ведом,
Он от горя изнемог.

Сокрушила сердце боль,
Разлилась, как пламя, жёлчь,
Криком стала песнь моя,
Лире плач сдержать невмочь.

Мне теперь уж не воспеть
Ни свободу, ни любовь.
Не мечтаю обрести
Я былое счастье вновь.

Я пою лишь злобу дня,
Цепи рабства, груз скорбей,
Вечность бремени обид,
Запустенье алтарей...

Ожерелье жемчугов
Мою музу бережет.
Жемчуг этот — слез ручей,
Источивший мой народ.

Муза гордая моя
Крыльев ворона черней,
Гневной горечью полна,
Стонет, как во тьме ночей

Эхо на горе Хорив,³³
Лженаставников клеймит,
Проклиная тех, кто жить
Нам в покорности велит...

Я припомню лжеотцам
Все их тайные грехи,
Все преступные дела,
Что творят лжепастухи.

Братьев искренне любя,
Выставляю я напоказ
Злобное двуличье змей,
Что в объятьях душат нас.

Пусть укушенные зрят,³⁴
Вдруг да вылечит больных
Это зрелище, пока
Искра жизни тлеет в них.

ПРОСНИСЬ, МОЙ НАРОД!

Проснись, мой народ!
 Что спишь ты так долго?³⁵
 Кончилась ночь, воссияло светило.
 Проснись, посмотри на былого осколки.
 Кто ты и с кем, где твой разум и сила?

Ужели столетия не пролетели
С минуты изгнания из дома родного,
И времени крылья совсем ослабели
С тех пор, как достиг ты края земного?

Исчезло уже не одно поколение,
От прошлого горы нас отделили.
За переменами — измененья,
Они ни меня, ни тебя не забыли.

Проснись, мой народ!
 Что спишь ты так долго?
 Кончилась ночь, воссияло светило.
 Проснись, посмотри на былого осколки.
 Кто ты и с кем, где твой разум и сила?

Страна, где обрел ты нынешний облик, —
Европы неотторжимая доля.
Европа — часть света, но меж ей подобных
Она всех мудрей. Не глуха к нашей боли,

Открыться она перед нами готова,
Сыны ее братом назвать тебя рады.
Не хватит ли гостем быть? Прочь это слово!
Не время ль разбрасывать камни-преграды?

Кто рядом, тот цепи и гнет с тебя снимет,
Освободит от ярма твою шею.
Враждебность к тебе в его сердце остынет,
И с миром он руку протянет еврею.

Расправь же ты плечи, выпрями спину,
Тепло и с любовью взгляни на соседей.
Язык их, как свой, изучи. Пусть отныне
Стезей просвещения идут твои дети.

Пусть тот, кто умен, обратится к наукам,
В ремеслах найдет свою радость умелец,
Храбрец служит в войске, в поле за плугом
Себя обретет хлебороб-земледелец...

Царю быть надежным слугой постарайся,
Вноси в процветанье страны свою долю,
Евреем в шатре у себя оставайся³⁶
И будь человеком вне его, в поле.

Проснись же, народ мой!

Что спишь ты так долго?

Кончилась ночь, воссияло светило.

Проснись, посмотри на бывшего осколки

Кто ты и с кем, где твой разум и сила?

*В*новь свечи пылают коронами света —
Живы в потомках дедов заветы!
Звездам подобны, сквозь тьму, по пустыне
Они нас ведут от дней оно доныне.

Вновь свечи сияют нам день и неделю,
Как Маккавеи еще повелели,
Славя Господне великое имя
Пред алтарем Его в Иерусалиме,

Чтоб помнил народ милосердие Божье
В битве добра со злобой и ложью,
Чтоб вовеки Всесильный нас не оставил —
От алчных врагов сокрыл и избавил.

Вновь свечи сияют — горят и не гаснут,
Полон дом Иакова бликов прекрасных,
И каждому, будь то мудрец иль невежда,
Даруют и твердость они, и надежду.

Вновь свечи сияют сегодня пред нами.
Они — это мы, наши свечи — мы сами.³⁸
Иакова дщерь со светильником схожа —
Он прошлого пламень и памяти ложе,

К нему мы стремились и с ним умирали,
Когда нашу веру со шкурой сдирали,
Огнем его горы во мгле освещались,
Чтоб ноги скитальцев не спотыкались...

Вновь свечи пылают, как в давние лета,
Но мало нам ныне вчерашнего света —
Увы, темноту нашу он не развеет,
Уже не вернутся дни Маккавеев.

*Р*ыдайте, врачи, — время тризны, не свадьбы,
Болезни и хвори, увы, умирают.
Ищите бальзамы, что их исцеляют,
Иначе смотрите, не оплошать бы!

Впрочем, вы можете не убиваться,
Жива еще смерть, не иссякла в ней сила.
Поля мертвецов она вам накосила,
И все же хлеба до сих пор колосятся.

Но что будет с вами, как только настанет
Время, когда мы о смерти забудем,³⁹
Когда сгинет рать, ненавистная людям,

Болезней, убийств? Кто питать тогда станет
Рой алчных душ и изнеженных тел?
В мире без смерти — лишь смерть ваш удел!

Был я связан и скован,
Как жертвенный овен, —
Вина испил ядовитого
И заснул крепче убитого.
Нож погрузив в мое тело,
Хирург в меня дверь проделал
И что-то отрезал внутри.
Я проснулся: “О Боже, смотри,
Приблизилась смерть ко мне!”
“Зря ты кричишь, мой друг, —
Успокоил меня хирург, —
Разрезав твое нутро,
Пробрался я вглубь, к спине
И взял у тебя ребро,
Но женщину я не творил⁴⁰
И тебе ее не дарил.
Отчего же ты поднял крик?”
И мой страх утих в тот же миг,
И в голову мысль пришла:
“Не так уж плохи дела!”

Хаим-Нахман Бялик

(1873–1934)

*Поэт, о котором М.Горький писал:
«...великий поэт, редкое и совершенное
воплощение духа своего народа...».*

*Родился в Волынской губернии,
работал в Одессе,
в 1921 году уехал в Германию,
а оттуда в Палестину.*

*Прославился поэмой
«Сказание о погроме»,
стихами, обличающими покорность
евреев судьбе.*

*М*ир тебе, птица, ты снова вернулась,
К окну моему издалёка.
Как сердце мое по тебе стосковалось,
Как было ему одиноко!

Спой-расскажи мне, моя дорогая,
О грезах людских и мечтаньях.
Ужель даже в теплых и ласковых странах
Живут и плодятся страдания?

Встречала ли ты моих братьев в Сионе
И нет ли мне вести-привета?
Им счастье даровано, мне — боль и беды,
Но знают ли братья об этом?

Но знают ли, сколько противников злобных
Стеною меня окружает?
Спой же мне, птица, о крае, где вечно
Осень не наступает.

Не шлют ли привет мне плоды молодые,
В долинах набравшие силы?
Утешен ли старец Сион иль, как прежде, —
Руины ему да могилы?

Шарона земля и Ливана вершины⁴¹
Дают ли душистую мирру?
Проснулся ль отец кипарисов и кедров,
Являя красу всему миру?

Роса на Хермоне, как жемчуг, ложится⁴²
Или слезами сочится?
Струится ли светлый поток Иордана,
Высится ль гор вереница?

Спускаются ль с неба тяжелые тучи,
Предвестники горя-печали?
Спой, птица, о крае, где пращуры наши
Жизнь и смерть познали.

Не вянут ли мирты, возвращенные мною,⁴³
Как сам я теперь увядаю?
Когда-то и я был цветущим и сильным,
О том лишь, увы, вспоминаю.

О чем шепчут листья кустов придорожных,
Ответь-расскажи, моя птица.
О давних изгнаньях, о новых надеждах
На то, что страна возродится?

А братья мои, те, что пашут и сеют,
Какие поют они песни?
Обрести бы мне крылья и перенестись бы
В край роз и миндаля чудесный!

А что расскажу тебе я, моя птица?
В чем ты ожидаешь признанья?

Не песни, а плач от меня ты услышишь,
Стоны и причитанья.

Поведаю я
        всем известную повесть
О тяжелой судьбе на чужбине,
О бедах несчетных былых и грядущих,
О зле, торжествующем ныне...

Оставь же меня и лети, дорогая,
В пустыню лети или в горы.
Для пения создана ты, не для плача,
Для счастья, а не для позора.

Не стон наш с тобою излечит больного,
Не он зарастит мою рану.
От слез только сердце, как мятые травы,
Глаза застилает туманом.

Кончаются слезы — нет больше надежды,
Но боль — без конца, без начала.
Мир тебе, птица, и дай Бог, чтоб радость
В песне твоей звучала.

*М*ои братья, да будут сильны ваши руки,
Землю родную обнявшие нежно!
Да возвысят ваш дух песен пахаря звуки!
С вами сегодня народа надежда!

Нам дороги ваши упорство и вера,
Слезы и пот на измученных лицах.
Подобно росе на заре, непомерны,
Вновь они нам помогают родиться.

Навеки святыми останутся слезы,
В жертвенный кубок излитые вами,
И каждая капелька пота, как роза,
Полная крови, добытой шипами.

Пускай вы лишь первые камни сложили,
Труд ваш никто не сочтет бесполезным.
Дорогу в грядущее вы обнажили —
К светлому дому под кровлей железной.

Терпеньем богаты, мы просим: неспешно,
Но навсегда возводите строенье.
И будет: мы — малый народ, но безбрежны
Толпы, глядящих на нас с удивленьем.

Отставшие, что ж вы ряды растянули?
Разве рабы вы, Израиля дети?
Сомкнитесь друг с другом, что спины согнули?
Станьте тверды, как никто в целом свете!

Довольно скорбеть! Что с того, что нас мало?
Пусть перед вами предстанут герои!
Со дней Зрубавела земля не видала,⁴⁴
Чтобы вершил наш Иаков такое!

Позор тем, кто числит свой труд благородней!
Камень на камень, ступень за ступенью!
И громом раскатится слово Господне:
Встань и взойди! Вот твой путь во спасенье!⁴⁵

*М*ой друг и товарищ милый,
Уже целых три недели
Дожди разъедают мне душу,
Совсем они нас одолели.

Как только горячий таммуз⁴⁶
Достиг своей середины,
Сменило обличие лето,
Прорвалась небес паутина.

Ох, как надоел мне нудный,
Назойливый дождь без просвета —
Стучит и стучит он мне в уши,
Когда же кончится это!

Бренчит по соломе на крыше
И окна приоткрывает,
И к скорби земли несчастной
Мою тоску добавляет.

Хлеба промокшие гнутся
В дождями напоенном поле,
Колосьями клонятся долу,
Как сирота от злой доли.

Деревья, налитые влагой,
Уныло ветвями качают.
Как будто от горькой печали
С них капли-слезинки стекают.

В блестящие гладкие струйки
Сбегаются капельки эти,
Вонзаются копиями в землю,
Мгновенье — и нет их на свете.

Мой друг, я, конечно же, знаю,
Во благо дожди в это время.
Жнецу они шепчут: "Уж скоро!",
Колосьям: "Да зреет в вас семя!"

Я знаю, что хлеб, как награда,
Даруется смертному небом,
Как доброе слово Господне,
За то, что ленивым он не был.

Что станут прозрачными гроздья
В зеленых лесах винограда,
Лишь сбудутся их упования
И дождь принесет им прохладу.

Что нежности много и ласки
Земля может дать своим детям,
Когда ее груди налиты
Дождинок искрящимся светом.

Что снова покажется солнце,
Наполнив живительным соком

И груши с желтеющей кожей,
И яблоки с розовым боком.

Но жаль мне, как было когда-то
В весенние дни первоцвета,
Что красота быстротечна.
С дождями кончается лето.

Саул Черниковский

(1875–1943)

*Последователь Бялика,
но вместе с тем
поэт более широких взглядов,
внедривший в еврейскую поэзию
широкий спектр
художественных приемов.*

*Родился в Таврической губернии,
жил в Одессе, в Германии,
затем в Палестине.*

*Автор лирико-философских стихов
и идиллий, переводов на иврит
Гомера, Платона, Анакреона.*

В эту ночь — ни луны, ни единой звезды,
С каждым часом темней и темней.
И подобны зловещим гигантам ряды
Устремленных во мрак тополей.

В эту ночь наполняют весь мир чудеса,
Заблудившихся тайн хоровод.
Многоокая тьма пялит злые глаза⁴⁷
Сквозь затянутый мглой небосвод.

В эту ночь там, где вечная спит тишина,
Пробуждается Тот, Кто Велик.
В эту ночь где-то всхлипывает волна,
Где-то слышится жалобный крик,

Где-то шепчутся листья на спящих ветвях,
Стонут сучья деревьев сухих.
В эту ночь на далеких безмолвных горах
Бродят призраки предков моих.

Жрец Аллаха меж братьев-вершин Чатырдаг,
На плечах Крымских гор в царство
  гроз вознесенный.
Стрелы молний над ним ткут вуаль в облаках...
Как красив Демерджи среди глыб обнаженных!

Из камней преткновенья корона на нем,
Пастырь овцам своим здесь не сыщет дороги.
Красно-пепельный склон, блеск берез серебром,
У подножья сады — вечной жажды чертоги.

Над садами, над зеленью диких лесов,
От долины Баар-Дере до берега моря
Великаны смолистые с ветрами спорят,
А когда наступает пора холодов,

Осень в меди, лоза увядает послушно,
Как прекрасен старик Демерджи над Алуштой!

ПРИЗЫВ

(В память о восстании Бар-Кохбы)

Поднимем знамена во славу Сиона!⁴⁹
Восстанем единой народной волной!
Не склоним главы до предсмертного стона,
До крови, заставшей глаза пеленой.

Мечи обнажим и подросток, и старец!
Кто трусит, чье сердце как воск над огнем?
За наших детей и за женщин-красавиц
Все вместе на бой беспощадный пойдем!

Пред вражьей когортой сплотимся, как братья.
К морским островам от ливанских холмов,
На север, к Дамаску вперед грозной ратью!
К победе иль смерти Иаков готов!

Поднимем знамена во имя Отчизны,
За Землю Святую — потомков оплот.
И будем тверды до последних дней жизни,
И меч нам свободу и мир принесет.

Поднимем знамена, сыны Иудеи!
Всесильный и мудрый Господь нас хранит.
Пусть рушатся крепости, мы не слабеем —
Нам павшие наши опора и щит!

Ой, родимая земля...
Горы да каменья,
Оскудевшие поля,
Тихие селенья,

Золотые купола,
Древние руины,
Кладбища, колокола,
Фиги да маслины.

О, земля отцов моих...
Ручеек плакучий,
Пальмы-руки средь сухих
Зарослей колючих,

Запах цитрусов в садах,
Тени от платанов,
Море, скрытое в песках,
Песни караванов.

О, земля пустынь Синай...
Мир холмов бесстрастных,
Суховей из края в край,
Гневный понапрасну,

Вой шакалов по ночам,
Звездопад волшебный,
Зной с прохладой пополам,
Словно сок целебный.

Сердцу милая земля...
Старый дом-уродец,
Стадо коз бредет, пыля,
Сирота-колодец,

Виноградная лоза,
Солнце золотое,
И куда ни глянь, в глаза
Небо голубое.

*Д*ар Господний, чудо-роза
Где-то каждому цветет,
Но неведома дорога,
Что в прекрасный сад ведет.

И на жизненных распутьях,
Торопя желанный срок,
Мы с надеждой ловим взглядом
Каждый встречный стебелек.

Но, бывает, вянут нивы,
Сердце грустью пленено —
Найден путь, но сад чудесный
Кем-то вытоптан давно.

Счастлив тот, кому достался
Нежный розовый бутон.
Горе тщетно проискавшим
Свой цветок в тени времен...

Лучше быть мертворожденным,
Чем беспомощным слепцом,
Что весь век искал напрасно
Свет, ниспосланный Творцом.

Пушкой промелькнул, как ночной звездопад,
Я в небе Вселенной твоей,
Пушкой еще власть колдовскую хранят
Обломки хрустальных оков,
Прошу, не кляни ты меня, пожалей,
Прошу, не бросай мне в лицо гневных слов.

Пушкой я в багряный букет твоих роз
Вложил безобразный репей,
В бокал наслаждений и девичьих грез
Добавил змеиную кровь,
Прошу, не кляни ты меня, пожалей,
Прошу, не суди ты меня, не злословь.

Пушкой, вспоминая былую любовь,
Надежды и пыл юных дней,
Ты холод прощанья почувствуешь вновь
И боль от несбывшихся снов,
Прошу, не кляни ты меня, пожалей,
Прошу, не ищи для меня горьких слов.

Я ныне за все благодарен тебе —
За прелесть наивных страстей,
За трепетный шепот, подобный мольбе,

За тайный чарующий зов...
Прошу, не кляни ты меня, пожалей,
Прошу, удержишь от взыскующих слов.

Тебя не забыть мне. Уходят, спеша,
Дни стынувшей жизни моей.
Беременна скорбью больная душа,
Раскаянье — щит мой и кров.
Прошу, не кляни ты меня, пожалей,
Прошу, не бросай мне безжалостных слов.

Натан Альтерман

(1910–1970)

Публицист и поэт.

Родился в Варшаве,

учился в Кишиневе

и во Франции.

Активный деятель

возрождения еврейского государства

в Палестине.

Автор переводов на иврит

Мольера, Шекспира, Бернса,

стихов лирического содержания

и острой социальной

направленности.

Еще слышится песня, что пелась тобой,
И открыта дорога в далекие страны.
Тучка в небе, деревья в воде дождевой
Еще помнят тебя, милый странник.

Но поднимется ветер, и молний хвостом
Раскачается все, что с тобой было раньше.
И расскажут овца и барашек о том,
Что погладил ты их и отправился дальше,

Что пусты твои руки и дом твой далек,
И тебе не однажды дано поклониться
Смеху женщины, ветке, чей зелен листок
И в дождинках побеги-ресницы.

*В*от шепчет о чем-то деревьев листва,
Вот ветер кружится, взмывая в небо...
Опишут их разве
Мои слова?
Сердец их коснуться мне бы.

Взять хлеба и соли, воды запasti,
И только иссякнет лето,
Припасы в отцовы поля отнести
Старшим братьям — простору и свету.⁵⁰

Из идишской поэзии

Соломон Этингер

(1801–1856)

*Драматург, поэт,
один из первых деятелей Гаскалы.*

*Родился в Замостье
(Люблинская губерния),
получил медицинское образование
во Львове.*

*Основал еврейскую
земледельческую колонию,
где прожил до самой смерти.
Писал стихи, басни, эпиграммы;
автор популярной пьесы «Соркеле».*

Я вам открою ужасный секрет:
Из вод и земли состоит белый свет,
Из неба и пламени звезд и планет,
И — тсс! — из сверкающих звонких монет.

*М*яса кусок сжимая в зубах,
Чуя врага в придорожных кустах,
Пес торопился с добычи домой.

Вдруг на пути через мост над рекой
Видит он пса в серебристых волнах,
Что мяса кусок сжимает в зубах.

Всегда голодный, вечно злой,
Еще завистливый к тому же,
Пес думает, что тот, другой,
Заполучил получше ужин.

Прыжок, удар, волна стеной,
Фонтаны брызг сверкают,
Но пасть разинув, пес-герой
Лишь свой кусок теряет.

Теперь, наказанный судьбой,
Скулит бедняга под луной:
Вижу я, умнее тот,

Кто своим доволен,
Кто чужого не берет,
В драку лезть не волен...

Тот блажен, кто Бога чтит
И что имеет, то хранит.

Морис Розенфельд

(1862–1923)

Поэт, прозаик.

*Родился в Сувалкской губернии
(Литва),*

*жил в Варшаве, Сувалках,
в 1882 г. уехал в Лондон,
затем в Нью-Йорк.*

*Работал на швейной фабрике,
писал стихи*

*национально-социалистического содержания,
произведения о жизни рабочих.*

*Сотрудничал с социалистическими,
анархистскими и,
какое-то время,
с религиозными
еврейскими газетами.*

*В*инегрет: вши Фараона,
Мысли мудрого Платона,
Раши, Цшокке, Рош и Дрэпер,⁵²
Висла, Фисон, Нил и Днепр,
Физика, любовь и черти,
Талисман от ранней смерти,
Ашер-йоцар и Отелло,⁵³
Цадики, Микеланджело...
Всё смешаем как попало
И получится Гаскала.

Посох странника в руке,
Скарб убогий в узелке...
Без приюта, без друзей,
Сквозь бессоницу ночей,
Презираем и гоним,
По домам бреду чужим.

Горя гнет, гнет, гнет
Горб нам гнет, гнет, гнет.
Вечный путь, путь, путь —
Нашей жизни цель и суть.

Нам твердят, что Тора — бред,
Что грешней народа нет,
Что таланты наши — вздор,
В имени “еврей” — позор
И, хоть в стену бейся лбом,
Наше право — быть рабом.

Вечно ложь, ложь, ложь
Точит нож, нож, нож,
Боль и страх, страх, страх
В наших замерли глазах.

Век течет за годом год,
Снова род сменяет род
И плывет по морю слез
Челн без надежд и грез
С грузом горечи своей
Без руля и без снастей.

Замкнут круг, круг, круг
Наших мук, мук, мук,
Жгуч их след, след, след..
Жизни нет и смерти нет.

*М*ашины гремят и колеса мелькают,
Вой, скрежет и лязг механизмов стальных...
Я словно в аду, я себя здесь теряю,
Я — тоже машина не лучше других.
Кружусь и кружусь я во мгле без просвета,
Вокруг меня сотни натруженных рук.
Зачем, для кого? Но не нужно ответа -
Машина не знает сомнений и мук!

Все чуждо ей — все наши мысли и чувства.
Она все сокроет во чреве своем:
Надежды, стремленье к науке, к искусству,
Все то, что мы любим, и ценим, и ждем.
Часы пролетают, минуты, мгновенья,
Как вихрь, проносятся ночи и дни,
Работай машина, будь в вечном движеньи,
Быстрее, быстрее, гони и гони!

А стрелки бегут и бегут неустанно,
И полон забот их таинственный труд:
Вставай и работай, забудь о желаньях!
Часы бьют и будят нас, будят и бьют.
Мне видится, словно во сне отдаленном,
Что где-то иная, счастливая жизнь,
Но где же она? Я не знаю, не помню,
Ведь я же машина — живее кружись!

Мне слышится в ходе часов бессердечном
Приказов упрямый и жесткий язык:
Работай, работай — и ныне, и вечно,
Работай, работай — всегда, каждый миг!
В их бое надорванном и хрипловатом
Хозяина окрик и яростный взгляд:
Отдай нам все силы свои без остатка,
Работай, машина, — ни дюйма назад!

И только когда шум машин затихает,
И мастер уходит, в обеденный час
Болит мое сердце, и я ощущаю,
Как горечь моя бесконечна. Из глаз
Соленые слезы и горькие слезы
На жалкий мой хлеб тяжело упадут.
И нет силы есть... Где о счастье грезы!
О тяжкая доля — мой каторжный труд!

И вижу я битвы безжалостной поле,
Где все упокоились мертвенным сном,
Где кровью земля пропиталась и солью
От пота страдальцев, лежащих кругом.
Но вот бьют часы и играют тревогу,
Встают мертвецы — и на битву опять,
Опять в то же поле, по той же дороге,
Опять воевать и опять умирать.

Как жутко мне видеть то горькое поле!
И стрелки другое теперь говорят:
Разбей же оковы проклятой неволи
И сбрось свои цепи, о бедный наш брат!

Во мне пробуждаются гордость и сила,
И я забываю о том, кто я есть.
Я — раб, и судьба меня гнула и била.
Но сколько же можно страдать и терпеть?

Меня не сломили обиды, невзгоды,
Во мне умирает затравленный раб.
Теперь я живой, я достоин свободы!
Мгновенье прозренья — святая пора!
Но плеткой — тревога! И снова нет мочи.
Все снова во мне обращается вспять.
И снова машины гремят и грохочут,
И снова я мертв, я — машина опять.

Давид Эдельштам

(1866–1892)

Поэт, публицист.

Родился в Калуге,

в 1882 году уехал в Америку.

*Один из представителей
еврейской пролетарской поэзии.*

Был популярен

в рабочей среде в России,

Европе, Америке.

МОЯ ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Где-то весенним солнцем согретый
Песню о счастье поет соловей.
Мне же сквозь гнет нужды беспросветной
Слышится музыка ржавых цепей.

Что мне цветы, что вешние воды?
Лишь богачу это радует глаз.
Дерн засохший, вереск неплодный —
Вот чем судьба осчастливила нас!

Знает ли раб о ветре весеннем?
Вьюгой и стужей он вечно гоним,
Вздохи и стоны — тень униженья
Тесно сжились с ним под кровом одним.

Горькая доля! Скоро ль настанет
И для рабочего праздник весны:
Солнца лучи на лицах усталых
Дружно запляшут, веселья полны,

Роза несчастному улыбнется
И бедняку запоеет соловей,
Свежий побег в лесу встрепенется
И зазвенит серебристый ручей...

Скоро ли наслаждаться рассветом
В благословенном зеленом раю
Будут и жены рабочих, и дети,
Радостно славя свободу свою.

Скоро ли истинный гуманизм
В каждой душе, как цветок, расцветет -
Только тогда счастливую жизнь
В царстве весеннем поэт воспоет.

Только тогда, словно юный влюбленный,
Предан всем сердцем и в помыслах чист,
Буду весне петь хвалу упоенно
Я, пролетарий-социалист.

Буду встречать ее с нетерпением,
С трепетом каждому шагу внимать...
И в каждом доме гимн весенний
Будет священной молитвой звучать.

*Р*евнители традиций,
К чему потоки слов?
Нам что, переродиться
В толпу тупых ослов?

Хотите, чтоб служили
Мы набожным глупцам
И преданно любили
Небесного Отца?

По-вашему, за место
С восточной стороны⁵⁶
Достоинством и честью
Мы вам платить должны?

Свою имеет Тору
Любое из времен.
Сегодня, в нашу пору,
Свобода — вот Закон!

Теперь свои пророки:
Лассаль и Карл Маркс.
Их речи, их уроки
Спасут от рабства нас.

С многовековой болью
Простится наш народ,
Как только солнце воли
Над всей землей взойдет.

Настанет час изгнания
Тиранов и попов,
И кончатся страдания
Израиля сынов.

Сегодня нас пророки
Зовут в единый строй
Восставших против рока
За счастья лик святой,

За то, чтоб все народы
Без тронов и царей
Слились в семью свободных,
Презревших кнут людей.

Да сгинет розни жажда,
Ведь мир на всех один,
Быть счастливым должен каждый
Еврей и христианин!

Любовь сердца согреет
В круговороте дней.
И кто, как ни евреи,
Стремиться должен к ней!

Кем реки слез пролиты
В тисках оков стальных,

Под сапогом бандитов
В коронах золотых?

Довольно! Перед Богом
Не стану гнуться я.
Еврей, твоя дорога —
Лишь революция!

К ней, дети Авраама,
С надеждою вперед!
Падет вампир упрямый,
Что кровь людскую пьет!

Свою имеет Тору
Любое из времен.
Сегодня, в нашу пору,
Свобода — вот Закон!

На скале-утесе,
Там, где ветер зол,
Стонет одинокий
Раненый орел:

О родное небо,
Голубой простор,
С радостью к тебе бы
Я крыла простер

И взлетел стрелою
В глубину пространств,
Рассекая дымку
Облачных убранств.

Как парил бы гордо
В звездной вышине!
Обнимал бы солнце,
Будто в сладком сне...

Я всегда стремился
К вихрям и штормам,
Не искал течений
К тихим берегам.

Пусть грохочут громы,
Воет океан,
Хлещет в грудь свирепо
Дикий ураган,

С хохотом надменным
Молодой орел
Разрывает в клочья
Молний ореол.

Все исчезло ныне.
Среди гор в снегах
Я покинут всеми,
Боль стучит в висках,

Ослабевшим крыльям
Тела не поднять,
И ни звезд, ни солнца
Мне не обнимать.

К небу рвусь и плачу,
Мрак глаза затмил,
На холодный камень
Падаю без сил.

О, друзья бывшие!
Суждено ли мне
Вновь парить свободно
С вами наравне,

Смелой сильной птицей
Через шторм и шквал
Снова к свету взвиться
Прочь от мертвых скал?!

Тщетный крик. Зарылись
В снег тетерева,
Сон их не тревожат
Горькие слова.

Где-то в тучах скрылись
Вольные орлы...
Мгла кругом. Как цепи,
Раны тяжелы.

Ничто не исчезает
В изменчивой Вселенной —
За смертью наступает
Рождение непременно.

Весь мир — как цепь из звеньев
Сверкающих и тусклых,
Из света и из тени,
Из радости и грусти.

Смешались в нем в движеньи
Смерть с жизнью воедино.
Вот змей обвил с шипеньем
Цветочную корзину,

Вот золотое древо
Прогорклый плод рождает,
Камней могильных чрево
Живой ручей питает.

И верю я, что каждый,
Кто пал в борьбе суровой,
Взойдет ростком однажды
Из праха зла земного,

Животворящей ветвью
Со сладкими плодами
Пробьется сквозь столетья
К идущим вслед за нами.

Яков Глатштейн

(1896–1971)

Поэт, новеллист, критик.

Родился в Люблине;

в 1914 г. уехал в Америку.

После выхода

первого сборника стихов (1921 г.)

приобрел славу

ярчайшего еврейского поэта Америки.

*Был постоянным сотрудником еврейских
газет и журналов.*

*Обогатил современную поэзию
новыми формами
и стилями.*

УЖИН
(вечерний хлеб)

а столе свежий хлеб,
 пресыщеньем беременный.
 За столом молчаливые гости —
 я и она и вторая она.
 Наши губы молчат, но стучат сердца.
 Словно маленькие золотые часики,
 стучат сердца у гостей.
 Рядом с хлебом лежит острый нож,
 еще более молчаливый, чем гости.
 Его сердце стучит беспокойней,
 чем у меня, у нее, у другой нее.
 Дверь отворена заходящему солнцу.
 На потолке дремлют мухи, уставшие за день.
 Окна удивленно отсвечивают ожиданьем
 и страхом,
 страхом и ожиданием ужина.
 Всеобъемлющий страх будто
 стягивает меня и нож.
 Мои руки дрожат, блуждая вокруг хлеба,
 я думаю о своей горячей любви к ней
 и ко второй ней,
 о своей смертельной ненависти к ним,
 и нож сжимается в моей слабой руке,
 напуганный опасностью ужина.

Она берет нож и смотрит на меня
и на вторую нее:
за столом неподвижно сидят два мертвеца.
И лезвие ножа в ее сердце поет,
поет песню откровения ужина.

Другая она, полна трепещущей радости,
играет лезвием ножа и мертвыми словами.
Ее любовь ко мне и ненависть к ней,
любовь к ней и ненависть ко мне
изливаются песней в раскрытые двери,
к солнцу, к заходящему солнцу,
песней воспоминаний об истории ужина.

Окна залиты песней и цветом заката,
нож устал от раскаляющих докрасна желаний.
Тихо сидят за столом молчаливые гости —
я и она и вторая она.
Нож танцует к ней от меня и от нее к ней,
и мы молча едим ненависть и любовь
на ужин.

Авишаг, маленькая, юная, теплая... Авишаг,
 выкрикни на улицу: царь Давид не умер еще,
 хочет спать царь Давид, да не дают ему.
 Адония со своей бандой горланящей
 спешат корону сорвать
 с седой головы моей,
 Бат-шева жирная уже благословляет меня
 на жизнь вечную
 и, усмехаясь хитро,
 слышит слова мои последние.

Успокойся, мой царь. Ночь тиха.
 Все мы рабы твои.

Авишаг, маленькая простушка сельская...
 Авишаг,
 выбрось корону мою на улицу,
 пусть кто хочет подберет ее.
 Вопиет власть умершая
 в каждом пальце моем,
 лишь над тобой одной властвует
 мерзкая старость царская.
 Растерял царь Давид всех слуг своих,
 остался лишь со служанкой одной.

Отдохни, мой царь. Ночь глуха.

Все мы рабы твои.

Авишаг, маленькая печальная... Авишаг,
кошечка маленькая, брошенная в клетку
старого льва беззубого,
суждено моей старости окончиться
на коленях твоих печалью девичьей.

Мне уже почти и не помнятся

песни, в коих воспевали меня

девы юные,

а войны мои победные —

лишь лужи крови в моей памяти.

Вздремни, мой царь. Ночь темна.

Все мы рабы твои.

Авишаг, маленькая сердечная... Авишаг,
страх пронизывает все члены мои.

Могут ли по лужам крови пролегать

пути Господа?

Защитят ли на перепутьях меня

песни мирные

благочестивых времен моих?

Авишаг, ведь песни сильнее грехов людских?

Усни, мой царь. Ночь мертва.

Все мы рабы твои.

Отстрелите мне, друзья мои,
ноги, что пытались бежать,
но не стреляйте мне в голову,
полную дум о птенцах в гнезде.
Так просил он своих конвоиров,
когда на рассвете выводили его
на широкий плац.
Он не плакал, он лишь нервно
тербил бородку.
Пощадите, — твердил, — будьте милосердны
к человеческой голове.
Но двадцать ружей единым залпом
выстрелили в голову, что так и не поняла
смысл слова —
дезертир.
Я, что был одним из двадцати ружей,
долго странствовал по свету и нашел его
гнезду.
Я гладил по головкам троих его детей
и в горле, как в плену,
сдерживал слезы.
Высокая молчаливая женщина с высокой
грудью
напряженно ожидала моих слов.

Но мог ли я рассказать ей, как все было,
и найти себе какое-то оправдание,
даже если ее муж и был
дезертир.

Спокойной ночи, весь мир,
большой, весь вонючий мир,
я захопываю за собой твои двери.
В отцовской капоте драной
с ярко-желтой заплатой странной,⁵⁸
шагая гордо над твоей дрянью,
по своему собственному желанью
я возвращаюсь назад в мое гетто.
Затопчу я и смою всякий след чужой.
Надо будет — окунусь и в мусор, и в гниль,
воскликая: привет тебе, долгих дней,
согбенная жизнь еврейская.
Мир, херем тебе, твоей культуре трефной.⁵⁹
И пускай все ныне рассыпается в пыль,
я готов стать песчинкой в пыли твоей,
печальная жизнь еврейская.

Немецкое свинство, ляха враждебность,
обжорство, пьянство и шкурные интересы,
хилая демократия с игрой в понимание
и холодной симпатии бессмысленные
компрессы...

Спокойной ночи, мир электрически наглый,
скорее назад, к моему керосину
и свечам сальным,

к крошечным звездам и горбтому фонарю,
к улочкам искривленным и мрачному октябрю,
к моему Танаху, к моим Гемарам,⁶⁰
к мудрецам древним, к проблемам старым,
к моему милому идишу,
к нелепым традициям с глубоким смыслом
и светом,
я шагаю с улыбкой, мир, в мое тихое гетто.

Спокойной ночи, мир, я дарю, заведи их себе,
всех, кто так радел о моей судьбе.
Заведи всех этих иисусмарксов, подавись
их заботой,
оставь нас, что тебе до пролитых нами
крови и пота.

Пускай не всё сразу, но я надеюсь,
и с каждым днем я все больше уверен,
еще зашумят зеленые листья
на сечёном ветрами иссушенном древе.
Я не жду утешений.

Я возвращаюсь на свои четыре аршина,
от язычества Вагнера к нигуну и шеру.⁶¹
Я обнимаю тебя, жизнь еврейская,
и плачет во мне
радость без меры.

*М*не кажется, что прежде
я был здесь не однажды,
и с каждым обновленьем быстробегущих дней
становятся теплей
отжившего лохмотья.
Я узнаю знакомые приветливые лица,
и даже матери с отцом печальный облик
я, словно на старинной фреске, вижу.
Ступаю по заросшим тропам зла,
меж берегов реки истории
плыву я,
и на пути встречаю чудеса,
что будят отклик в памяти подчас,
и прошлое утихшими волнами
застенчиво вливается в сейчас.
Я думаю,
что прежде здесь бывал.

Но нынешнее время с его клочьями-днями,
с новыми, а не вспомненными смертями —
мои собственные ночи и дни,
моя собственная горбатая доля.
Это то, что я нажил сам:
громадное кладбище,
опаленное поле,

гнетущая тишина,
холодная скорбь.
Все это знаки торжества зла.
Их в моей памяти никто не будил.
Этого я никогда не видал,
и здесь я никогда не бывал.

Утихомирься же, полумертвый мир.
Спрячь в молчание опустошенность свою.
Когда-нибудь вновь оживет
                твой цветочный орнамент,
и мы снова построим тебе фундамент...
на крови, что пролита нами.
Но мертвецы еще будут плакать ночами.
Каждый мертвец — капля плача,
свечка малая над могилой,
мерцающая мольба,
чья-то своя особенная судьба.
Я — это я,
но в каждом убитом частица моя.
Тысячи я плачут в ночи
неузнанные, между ними и миром стена,
и кровь моя все еще не отмщена.

Такого множества рвов и могил
я никогда не видал.
День и ночь я готов выкрикивать имена...

Я здесь никогда не бывал.

*Д*остоевский поставил Бога
на свой стол,
как бутылку водки,
и запил.
Его тошнило, рвало,
он трезвел,
и его снова тянуло к Богу,
как к бутылке.
Однажды, когда Достоевский валялся на полу,
откуда-то появился старик.
Кряхтя, старик поднял его,
положил на жесткую постель,
стянул с грязных ног сапоги,
омыл рот,
расчесал спутанную, облеванную бороду
и погладил покрытый холодным потом лоб.

Достоевский открыл татарские глаза
и спросил:
кто ты?
Но старик исчез.
Нетвердыми шагами Достоевский подошел
к столу.

Бутылка была пуста —
он выпил своего Бога до дна.

Тогда он взял в руки перо.
Он писал, не переставая,
боясь поднять голову.
Он чувствовал,
что старик стоит над ним
и невозмутимо-трезво, но по-доброму,
наблюдает за ним.

И Достоевский вписал его в свои книги.

*М*оше-рабейну, что не ступил на
Землю Обетованную,⁶²

дождался награды великой.

Кто привел убитый народ еврейский
в страну извечно желанную?

Моше-рабейну.

Тот, кому пастыря доля Всевышним дана,
наконец-то очнулся от долгого сна.

Кто собирает сегодня, словно овец,
мертвых евреев со всех концов света?

Моше-рабейну.

Земля так мала,
но для них широко распростерлась
Святая Земля.

Кто ведет по ней так уверенно остаток Иакова?⁶

Моше-рабейну.

А ты, полный жизни Иешуа бен Нун,⁶⁴
сверши свое дело.

Останови солнце,
чтоб время не так быстро летело.

Дай войти всем мертвым евреям в Землю свою

И пусть сосчитает их,

не дай Бог, не пропал бы никто,

Моше-рабейну.

Мой отец закрывает Мишну,⁶⁵
за руку мать берет
и, склонясь, словно сказочный принц, перед ней,
говорит ей:
милая Рохеле, пожалуй в страну еврейскую.
И хитро подмигивает мне:
вот видишь, умник, а ты не верил.

Мудрые глаза матери полны слез:
подумать только, тайч-хумеш⁶⁶ —
больше не книга грез.

Арон Гани-Аелес

(1889–1966)

Поэт и эссеист.

*Родился в Влоцлавеке (Польша),
учился в Лодзи, затем в Лондоне.*

С 1909 г. жил в Америке.

*Работал в еврейских газетах
и журналах, учительствовал.*

*Будучи членом партии
социалистов-сионистов,
активно занимался партработой.*

*Автор множества
глубоко национальных
и философских стихов.*

Замки —
замки железные и из гранита,
замки из мрамора и малахита,
замки из стали и из стекла,
замки, и замки... нет им числа.

Замки —
библиотеки и мавзолеи,
крепости, кирхи, соборы-музеи,
церкви с позолочёнными куполами —
все они
станут гнилыми гробами.

Но мои замки —
из снов и желаний,
дневных стремлений, ночных терзаний,
чувств, ощущений,
странных видений,
вытканые и сплетенные
из лунного света и звездных мерцаний,
из боли сердечной,
из улыбки беспечной —
тонких лучей души человеческой —

мои замки будут жить бесконечно,
вечно... вечно... вечно...

*Д*ни Фабиуса Линда с кровью бегут.
Невзгоды красными червями
его жилы опустошают.
В голове мутно-белые пятна,
все смешалось,
и сердце натужно стучит:
он мог бы...
он мог бы...
Серая паутина тоски застилает сознание,
перед глазами какой-то натянутый лук,
нацеленный прямо в лицо.
Фабиус Линд напряженно вдумывается,
вслушивается, вчитывается в себя —
он потерял себя так,
что хоть петлю на шею.

Но почему Фабиус Линд не может
ухватиться за полы одеяния времени
и маршировать вместе со всеми?
Почему он не может ненадолго вернуться
в былое, во двор детских игр,
и принести в настоящее флейту,
играющую Песню Покоя?
Почему он так безразличен к похоронам
и так нервен, когда кто-то рождается?

Почему он не может схватить этих распутниц —
жизнь и смерть —
и пуститься с ними в священно-глупый пляс?

Спрашивал ли об этом Фабиус Линд кого-либо?
Никого, только себя.
И если бы его мозг знал ответ,
он и себя бы не спрашивал.

В эти дни, как рельсы, прямолинейные
Фабиус Линд никак от полусна не очнется.
Он бродит и бродит по кругу часами и сутками.
И грезятся ему одни только НЕТы:
время, которого нет,
государство, которого нет,
народ, которого нет,
он сам, которого нет.
Он мог бы...
Он мог бы...
Да, да, он мог бы!
Но размышления и стремления
унес непрошенный ветер,
и обернулись они кольцами дыма.
Никогда аналитик-разум Фабиусу Линду
не помог.

*М*ак есть и так будет —
осталось только число.
Еще дымится земля, молчат небеса,
а от братьев, сестер,
от детских смеющихся рожиц
нет уже ничего, только цифра, число, итог.
Зима была и будет зимой, лето — летом,
а мы теперь будем — цифра, число, итог.

Но горечь в доме
оставаться вечной не может.
Боль от ран
будет прятаться все глубже и глубже,
и наверху широко раскроются окна
к полям забвения.
Может быть, лишь однажды ночью,
почувствовав рану,
вспыхнувшую пламенем в сердце,
старик на смертном одре
не сможет скончаться,
и молодожен в брачную ночь
не сможет дать жизнь младенцу.
Кругом раскинутся заброшенные кладбища,
и ветры беспамятства

будут дуть в открытые окна,
хотя внизу, в глубине,
в сердцах немногих
будет тлеть огонь памяти о числе
как наследие и завещание мертвых.

Так будет,
пока последний помнящий
и лежащий ниц и постящийся
не поднимется,
и не надломит хлеб, и не станет первым,
воздающим хвалу и поющим песнь
обновлению жизни.

Как день проводит человек?
Всех ненавидя, друг мой.
О чем мечтает по ночам?
Как зло умножить, друг мой.

Чем завершает он свой век?
Ожесточеньем, друг мой.
Каков итог его мечтам?

~~Потоки крови, друг мой.~~

Большая кровь, о друг мой.

И исцеленья не найти?
Зол и Целитель, друг мой.
И нет к убежищам пути?
Один лишь — Млечный, друг мой.

Хаим Бейдер

(р. 1920)

Поэт, публицист,
литературовед.
Родился в местечке Купель
(Хмельницкая обл.).
Учился в Одессе,
работал в Туркмении,
на Украине, в Биробиджане, в Москве.
Автор очерков
и литературоведческих работ
об идишских писателях,
ряда поэтических сборников.
Живет в Америке,
сотрудничает
с еврейской прессой.

К новым встречам готовясь,
Острой взмахнув косою,
Ангел Малахамовес⁶⁹
Взмыл над ночной Москвой.

Вплыл зловеще-крылатый
В черные небеса,
Помня часы и даты,
Зная все адреса.

В мрачном своем усердьи,
Зря не тратя минут,
Ищет посланник смерти
Самый краткий маршрут.

В жизни, подобно повести,
Точки черед настает -
Поступь Малахамовеса
Уже слышна у ворот.

Случайный прохожий ойкнет
И скользнет стороной.
Верно: улица Горького,
Дом шестьдесят седьмой.

Звонок надавить — как выдавить
Вопль из тишины.
Вспышка...
— Перец Давидович?
Маркиш?.. Вы и нужны!⁷⁰

И вот уж шаги, удвоясь,
Куда-то хотят успеть:
Маркиш и Малахамовес
Идут — бессмертье и смерть.

Горького, дом пятнадцать,
Свет дрожащий внутри.
И наверх подниматься
Незачем: номер три.

Удары, полные власти,
В дверь — опять и опять...
— Профессор Добрушин? Здрасьте!⁷¹
Трость не забудьте взять!

— Да, годы летят не бесследно,
Ноги уже не те...
(Сломает трость эту следовательно
Потом на его хребте).

И вот идут уже трое.
Пятый... Шестой... Седьмой...
Сотня... Тысячи... Строем!
Множеством! Всею Москвой!

Мушка ложится в прорезь.
Крюк ложится в кольцо.
Ангел Малахамовес
Смотрит жизни в лицо...

В конце 40-х гг. во дворе Биробиджанской областной библиотеки им. Шолом-Алейхема сожгли произведения репрессированных еврейских советских писателей...

(Отнюдь не легенда)

Каждый раз, когда Биробиджан предо мной,
Ощущаю смятение и трепет.
Как тогда, слышу вихря свирепого вой,
Чьи-то крики и жалобный лепет.

Цепенеет все тело, сжимается грудь,
Не вдохнуть и не вымолвить слова.
Хлещет пламя в лицо, преграждая мне путь,
Жжет дыхание зноя бывшего...

С той поры уж, наверное, вечность прошла —
Не найти и следа пепелища,
Но, как будто, меня здесь сжигают дотла,
И как зверь во мне прошлое рыщет.

О, как корчились в муках предсмертных они,
От смолистого шквала не скрыться,
Словно руки, тянулись в грядущие дни
Этих книжек еврейских страницы.

Над огнем в дымном мареве вопль стоит.
Бойтре Кульбака, Аншель Залязник...
Бергельсоновский Пенек со стоном горит⁷² -
Зло вершит свой безжалостный праздник.

От земли и до неба клубится угар
Над живыми и над мертвецами.
Лемла Лейбы Квитко пожирает пожар,
И летит Али-Бен над домами⁷³...

Хриплый шепот,
Рыданье,
Истерики визг...
Но мне слышится в возгласе каждом:
— Почему, если мы только раз родились,
Умирать нам приходится дважды?

Ударяет в висок закипевшая кровь,
Вновь не знать мне сегодня покоя...
А над городом ночь и безмолвие снов,
Тихо гаснут звезда за звездою...

— Эй, вы где? Отзовитесь! —
Хочу прокричать.
Ночь, темнея, спускается ниже...
Я на площади. Пусто.
Как страшно стоять
У еврейского кладбища книжек!
<....>

— Как вам наш новый дом?
Вот, где людям простор,

Будет место для свадеб и тризн!
... И я вижу:
Вот здесь жгли тот самый костер.
Что ж, всё так.
Продолжается жизнь.

Из немецко-
еврейской
поэзии

Франц Кафка

(1883–1924)

*Прозаик,
мастер экспрессионизма.
Родился в Праге,
изучал право,
работал в страховой фирме.
Автор романов и новелл,
оказавших огромное влияние
на современную
западную литературу.
Писал стихи,
представляющие интерес
как дополнение
к произведениям прозы.*

*М*не так хотелось дней, что были прежде,
мне так хотелось нынешних времен,
мне так хотелось дней, что еще будут,
и все же суждено мне умереть
        в сторожевой дощатой будке
придорожной,
похожей на стоящий прямо гроб,
извечный
        свой для каждого
                                наряд.

Я прожил век мой, чтоб его растратить,
назад мне не вернуться, все разбито.

Иван Толь

(1891–1950)

*Настоящее имя — Исаак Ланге.
Поэт-авангардист,
автор стихов на немецком,
французском и английском языках.
Сыграл важную роль
в становлении
немецкого экспрессионизма
и французского сюрреализма.
Жил попеременно
в Германии и во Франции,
с 1939 по 1947 г. — в Америке,
умер в Париже.*

В древнем море
Жила печальная рыба
С глазами полными страха

Но закружились в танце
Розовые холмы холмы библейские

На взмыленных лошадках волн
Проскакал ветер

И поселились печаль и страх
Под золотыми смешинками
В наших древних глазах

Я еще богат: камень на котором я сижу — мой
Этот камень значительнее чем трон
Обшарпанный с отслоившейся позолотой
Этот камень обогащен глубиной
Глубиной где уголь где кварц
Глубиной шахты терпения
И древних залежей ископаемых
Он не владеет ею как хозяин
Он обладает ею как извергнутый

Я страстно желал дома
Но я все искал его
У меня было много возлюбленных
Но возлюбил ли я ближнего?
Без определенного облика непохожего на меня
Другого иного цвета?

За это я стал одиноким и бедным
У меня появилось семьдесят страхов⁷⁴
Однако стоит ли умирать с богатством
в семьдесят страхов?
Известно, всякое семя находит приют
В могиле памяти
Семя родит поколение за поколением
тысячи лет

Во взглядах тысяч душ обретает спасение
В рисовом зернышке богатство урожая
В песчинке основа укрепленного замка

И я не жалею: камень еще мой

Пауль Целан

(1920–1970)

*Настоящее имя — Пауль Анчел.
Поэт, открывший новый поэтический язык,
позволивший ему, как никому до него,
создать трагический образ XX века.*

*Родился в Черновцах,
учился медицине в Туре,
филологии в Черновцах, в Сорбонне.*

Жил в Бухаресте, Вене и др.

В 1942–43 гг. был в гетто.

*Перевел на немецкий
ряд произведений классиков
европейской и русской литературы.
Непревзойденный мастер верлибра.*

Покончил с собой в Париже.

С умерки, падает снег. Уже месяц,
а может быть два, как осень
        под рясой монашки
весть принесла мне,
        листок с украинских просторов:

«Ты только подумай, наверное в тысячный раз
        и у нас наступает зима,
в краю, где широкой рекой разлилась
Иакова небесная кровь, секирами освященная...
Лед в неземном красном зареве –
        это гетман идет сквозь поток⁷⁵
со свитой в темнеющих солнцах...

        Дитя мое, ах, платок бы,
закутаться мне бы в него, когда шлемы сверкают,
когда розовая льдина раскалывается,
        когда в снежную пыль
                рассыпается прах
отца твоего, и топчут копыта коней
песнь о кедре...⁷⁶

Платок – платочек я ныне храню,
        но он тонок и узок,
и вот, ты учишься плакать,
        а я отстраняюсь от мира –

не расцветет он, дитя, никогда
для твоего ребенка!»

Истекаю я кровью, мама, покинула меня осень,
снег меня обжигает,
искал я сердце свое, чтоб поплакать,
нашел я дыханье
ушедшего лета.

На тебя оно было похоже.
И пришла слеза ко мне. И тку я платочек.

Черное молоко рассвета мы пьем его на ночь
мы пьем его утром и в полдень
мы пьем его ночью
мы пьем его пьем
мы роем могилу в просторах воздушных
где не тесно лежать
В доме живет человек
он играет со змеями пишет
пишет в густеющем мраке Германии
золото кос Маргариты
Он пишет выходит из дома под яркие звезды
и псов своих свистом скликает
он свистом сгоняет евреев своих
и велит им в земле рыть могилу
он велит нам играйте пляшите

Черное молоко рассвета мы пьем тебя ночью
мы пьем тебя утром и в полдень
мы пьем тебя на ночь
мы пьем тебя пьем
В доме живет человек
он играет со змеями пишет
пишет в густеющем мраке Германии
золото кос Маргариты

Пепел волос Суламиты мы роём могилу
в просторах воздушных
где не тесно лежать

Он кричит нам эй вы не такие как все
глубже врежьте в тело земное
играйте и пойте
он хватается за железяку за поясом
он таращит свои глаза голубые
глубже втыкайте лопату вы вечно иные
живее играйте пляшите

Черное молоко рассвета мы пьем тебя ночью
мы пьем тебя утром и в полдень
мы пьем тебя на ночь
мы пьем тебя пьем
в доме живет человек золото кос Маргариты
пепел волос Суламиты он играет со змеями

Он кричит нам сладость смерти играйте
смерть госпожа всей Германии
он кричит нам пройдите по струнам
и став дымом подниметесь в небо
в облаках обретете могилу
где не тесно лежать

Черное молоко рассвета мы пьем тебя ночью
мы пьем тебя в полдень
смерть госпожа всей Германии
мы пьем тебя на ночь и утром
мы пьем тебя пьем

*М*индаль — что сокрыто в нем, в миндале?
Ничто.

Сокрыто Ничто в миндале.
Оно упрятано и утаено в нем.

Ничто — кто сокрыт в нем? В нем Царь.
В нем Царь сокрыт, Царь.
Он упрятан и утаён в нем.

Локон еврейский, не окрасился он сединой⁷⁹.

А твой взгляд — куда открыт он, твой взгляд?
Твой взгляд миндалю навстречу открыт.
Твой взгляд туда, где Ничто, открыт.
Он открыт навстречу Царю.
Он упрятан и утаён в нём.

Локон людской, не окрасился он сединой.
Пуст миндаль, царственно-голубой.

Не ищи свой рот у губ моих —
не у врат пришелец,
не у глаз слеза.

Над седьмою ночью — алый к алому,
под семью сердцами — стук руки у врат,
за седьмою розою родник журчит.

Нелли Закс

(1891–1970)

Поэтесса, удостоенная
Нобелевской премии
по литературе
в знак признания «произведений,
где с трогательной силой
раскрываются судьбы Израиля».
Родилась в Берлине,
первоначально писала стихи
в романтическом духе,
затем перешла к экспрессионизму.
Спасаясь от нацизма,
эмигрировала в Швецию,
где в военные и послевоенные годы
создала лучшие свои произведения.

О дымовые трубы
над искусно придуманными жилищами смерти!
Когда тело Израиля растворилось в дыму
и проникло сквозь воздух,
за трубочиста звезда приняла его
и почернела,
или решила, что это луч солнца?

О дымовые трубы,
дороги к освобождению праха Иеремии и Иова!
Кто вас придумал и выложил
камень на камень,
эти дороги для вереницы бегущих с дымом?

О жилища смерти,
приветливо обращающие
в хозяина дома любого, кто прежде был гостем,
о ваши пальцы,
входной порог создающие
как нож между жизнью и смертью,

о ваши дымовые трубы,
о ваши пальцы
и тело Израиля дымом сквозь воздух!

*М*ы — спасенные,
хотя смерть уже нарезала флейты
из наших опустошенных костей,
уже натянула на свои смычки наши жилы,
и еще стонут изувеченной музыкой
наши тела.

Мы — спасенные,
хотя в синеве до сих пор еще
развешены петли,
скрученные для наших шей,
и отсчитывающие срок жизни часы
наполняются каплями нашей крови.

Мы — спасенные,
хотя черви страха все еще точат нас,
и ^{созвездие} ~~соцветие~~ наше все еще сокрыто в пыли.

Мы — спасенные,
но все-таки просим вас:
показывайте нам ваше солнце не сразу,
ведите нас от звезды к звезде шагом,
не очень-то заставляйте нас
учиться жить снова.

А то зазвучит всего лишь одна птичья песня,
жеребенок тронет ведро у колодца,
и наша боль, запечатанная неплотно,
вскипит и смоем нас пеной.

Мы вас просим:
не показывайте нам пока никаких
злых псов —
так может случиться, может случиться,
что мы рассыплемся от этого в прах,
рассыплемся в прах прямо на ваших глазах.
Но что сохранило все же ткань-полотно
наше цельным?

Мы бездыханны,
но души наши издревле стремились
к Нему из ночи
еще прежде, чем тело наше достигло спасенья
в ковчеге мгновенья.
Мы — спасенные,
мыжимаем вам руки,
мы познаем ваши взгляды,
но сохраняет нас лишь ушедшее,
ушедшее в прах
все еще сохраняет нас вместе.

ТЕМ, КТО СТРОИТ НОВЫЙ ДОМ

Когда ты заново себе возводишь стены —
свои очаг и ложе, стол и стул —
не вешай выступающие слезы
о тех, кто больше жить с тобой не будет,
на камень
или дерево —
ведь может проникнуть плач в твой сон,
и так тревожный.

И не вздыхай, ровняя простыню, —
смешаются твои мечты
с мертвецким потом.

Ах, эти стены, всяческая утварь,
от них дыханья арфы ощущение,
как в поле, в них произрастает грусть
и чувство, что ты с ними прах единый.

Так строй же под журчание часов,
не трать на плач ни крошки праха,
ни минуты,
пока светильник в доме не зажжен.

Эльза Ласкер-Шюлер

(1869-1945)

Одна из основоположниц
экспрессионизма в поэзии.
Родилась в Эльберфельде
(Рейнская обл.),
получила домашнее образование.
Первый поэтический сборник
выпустила в 1902 г.,
но стала известной
после выхода книги
«Еврейские баллады» (1913 г.).
С активизацией нацизма
уехала в Цюрих,
затем в Иерусалим.
Автор пьес и стихов
«тоски незащищенного сердца»,
стихов, рожденных трагедией Холокоста.

Не мертвый покой —
успокоена, как младенец, умолкла ночь.
Я дышу сквозь сон,
еще убаюкивая луну
меж губ.

Не смертный сон —
уже беседа с вами,
небесный концерт...
И новая жизнь уже поется
в сердце моем.

Не черный шаг выживших!
Растоптанную дремоту утро дробит.
Как под вуалью облаков звезды
прячутся лишь до полудня —
так опять и опять новое нас находит.

В родительском доме моем
ныне Гавриил-ангел живет...
Хотела бы я сердечно там с вами
блаженный покой как праздник отметить —
свою любовь смешать с вашим словом.

Из множества расставаний
вырастают золотые тычинки,
опыляющие друг друга,
и нет ни единого дня, что не был бы сладок,
меж печальным поцелуем прощальным
и новым свиданьем.

Не мертвый покой —
так я люблю, вся в дыханье обращена!..
На земле с вами — словно уже на небе.
Многоцветьем расписана
на голубом земном фоне
вечная жизнь.

МОЙ НАРОД

---

*Р*асколота скала,
излившая меня,
и к Богу вопль мой летит, звеня...
Я круто опрокидываю путь
и вся струюсь в себя,
в свое далёко, одна среди стонущих обломков
в море.

Так хочется, чтобы текло
в крови моей
светлейшее перебродившее вино.
Но все еще никак не смолкнет эхо
во мне.
И если близок злой восточный ветер,
расколотый скелет скалы —
народ мой —
взывает к Богу в горнее окно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кероба на празднике Шавуот* — молитва приближения (к Богу) предназначенная для чтения в праздник Шавуот, первоначально посвященный созреванию первых плодов, а позднее — дарованию Торы. Народное поверье говорит, что в ночь на Шавуот на один миг раскрываются небеса. Кероба восходит к фрагменту «Книги Иеремии» (Иер., 10:12-13) и талмудическим комментариям к ней.

2. *Сирион, Ливан, Табор, Башан, Кармел* — горные массивы и горы Сирии, Ливана, Иудеи и Заиордании... *Тщетно милости от Спасителя ожидая...* — намек на сказание о том, что Бог пренебрежительно относится к гордым и высокомерным и именно поэтому для дарования Торы Моисею выбрал невысокую гору Синай.

3. *...Сладкой манной в пустыне тебя Я кормлю...* — намек на библейские события, происходившие во время исхода евреев из Египта (Исх., 14:15–31; 16:11–35).

4. *И народом любимым тебя Я избрал...* — Согласно Библии и иудейской традиции, Бог избрал еврейский народ в качестве посредника для передачи Торы и ее заповедей миру. По преданию, другие народы от этой миссии отказались, убоявшись ее ответственности. Евреи же согласились, за что Бог пообещал им свою любовь и поддержку.

5. *Агаг* — царь враждебного евреям народа амаликитян. В данном случае под Агагом автор имеет в виду своего заклятого врага Ибн Аббаса — визиря севиль-

ского эмира, а под амаликитянами (Амаликом) — севильскую армию.

6. *Когда от роду год всего...* — В основу стихотворения положен фрагмент талмудического трактата «Пирке Авот» («Поучения отцов»), в котором перечисляются основные этапы жизни человека. Ганагид, однако, не следует трактату буквально, он делит жизнь на этапы по-своему и придает перечислению более сфветский характер.

7. *Хоть был силен семидесяти жар, но девяносто залили пожар.* — Имеются в виду вино и вода. В древнееврейском языке, подобно другим древним языкам, буквы имеют и числовые значения. Сумма числовых значений букв слова “вино” равна семидесяти, а слова “вода” — девяносто.

8. *От рук Моисея расступилось море...* — напоминание о событиях, происшедших во время исхода евреев из Египта (Исх., 14:15–31).

9. *Рехавиты* — потомки библейского персонажа Рехавы. По преданию, им было запрещено пить вино (Иер., 35:1–19).

10. *...Халдеями растопленных печей...* — Имеются в виду печи халдейского царя Навуходоносора, в которые были брошены иудеи Седрах, Мисах и Авденаго за отказ поклоняться золотому истукану. Несмотря на то, что печи были растоплены в семь раз жарче обычного, пламя оказалось бессильным перед праведниками (Дан., 3:9–97).

11. *Аруз (аруд)* — распространенная на Востоке система стихосложения.

12. *Пинхвас (Финеес)* — библейский герой, положивший конец прелюбодеяниям сынов Израиля с мавитянками и мадианитянками на пути из Египта в Ханаан (Чис., 25:1–13; Пс. 105:29–31).

13. *...Бог судил служанкой стать* — намек на то, что арабы, во владениях которых проживают евреи,

происходят от Агари — рабыни праматери евреев Сары (Быт., 16:1).

14. *Возвести же конец мне, о ангел святой Даниила!* — Имеется в виду некто, сказавший пророку Даниилу: "...знай, сын человеческий, что видение (твое) относится к концу времени!" (Дан., 8:16–17).

15. *Мурабба* — стихотворение с рифмой *аааа, ввва, ссса, ддда*.

16. *Уголья уст уста-щипцы лобзают...* — Это выражение, вероятно, восходит к библейскому: "Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника и коснулся уст моих..." (Ис. 6:6–7).

17. *Офра одежды моет в слезах моих очей...* — Офра — молодая газель. Так Галеви называет красивую девушку. В дословном переводе эта фраза звучит так: "В моих слезах офра моет одежды", что восходит к библейскому выражению: "Моем в вине одежду свою и в крови гроздов одеяние свое" (Быт., 49: 8–12).

18. *Земля, вчера еще младенец...* — Это стихотворение, по-видимому, трансформация отрывка из «Песни песней» (Песн., 2:11–12).

19. *"Блажен творящий тьму, — шепчу, — и создающий свет".* — цитата из "Книги Исаии" (Ис., 45:7). Эти слова входят также в ежедневную утреннюю молитву.

20. *..Под балдахин наш союз...* — Имеется в виду свадебный балдахин (хупа) — покрывало, закрепленное по углам на четырех шестах, под которым шествуют жених и невеста.

21. *...Меж твоих грудей покоя...* — цитата из "Песни песней" (Песн., 1:13 в переводе И.Дьяконова).

22. *Бальзам* — в данном случае — название ароматического лекарственного растения, некогда разводившегося в Палестине.

23. *...Что в Земле Обетованной пилигрима приютила.* — Эта и предшествующая ей строка послужит

ли основой легенды, по которой Иегуда Галеви все-таки достиг Иерусалима, а не умер в Египте, но был заколот перед воротами города копьем случайно обратившего на него внимание арабского всадника.

24. *Игра в шахматы.* — Стихотворение переведено В.Лазарисом и Я.Либерманом.

25. *Нам вечной жизни не дано...* — трансформация фрагмента «Пирке Авот» (см. прим. 6) и стихотворения Самуила Ганагида.

26. *Торговал бы я свечами...* — Эта фраза вошла в фольклор и даже сегодня употребляется как поговорка («Песни былого: Из еврейской народной поэзии». Перевод Н.Гребнева. — М.Советский писатель, 1986).

27. *Спроси отца твоего, и он ответит тебе...* — цитата из библейской книги «Второзаконие» (Втор.,32:7).

28. *Когда убивать враг пришел к тебе в дом...* — перефразированная цитата из Талмуда (Вавил. Талмуд, трактат Сангедрин, лист 72а).

29. *...На персях милой не познаю бед!* — В оригинале — игра слов, основанная на двусмысленности слова «шад» — беда и грудь.

30. *Субботний покой.* — Стихотворение переведено В.Лазарисом и Я.Либерманом.

31. *Пуст он и безвиден!* — цитата из книги «Бытие» (Быт.,1:2).

32. *Он радуется ей, она — ему...* — перефразированное выражение из «Песни песней» (Песн.,6:3).

33. *Хорив* — горный массив в Аравийской пустыне (Синай — его восточный отрог). По преданию, голос с горы Хорив обличает оскорбивших Тору.

34. *Пусть укушенные зрят...* — намек на библейский эпизод с медным змеем (Чис.,21:9).

35. *Проснись, мой народ! Что спишь ты так долго?* — перефразированное: «Проснись, почто спишь, мой Господь. Пробудись, не покидай навечно»

(Пс.,43:22). Это стихотворение получило широкую известность и в оригинале (на иврите), и в переводе Михла Гордона (мужа сестры И.-Л.Гордона) на идише.

36. *...Евреем в шатре у себя оставайся...* — фраза, восходящая, к библейскому: “По шатрам своим, Израиль! теперь знай свой дом, Давид! И разошелся Израиль по шатрам своим” (Тр.Цар.,12:16).

37. *Ханука* — праздник в память об освящении Храма после победы евреев под предводительством Маккавеев над Селевкидами во II в. до н.э. (Перв.Мак.,4:45–59). В этот праздник зажигают восемь свечей, и длится он восемь дней.

38. *Они — это мы, наши свечи...* — Эта и последующая фразы восходят к цитате из “Притч”: “Светильник Господень — дух человека, испытывающий все глубины сердца” (Притч.,20:27).

39. *...о смерти забудем...* — В иудаизме принято считать, что смерть — это наказание Божье и придет день, когда Господь ее упразднит (Ис.,25:8).

40. *... Но женщину я не творил...* — намек на библейское предание о сотворении Евы из ребра Адама (Быт.,2:21–23).

41. *Шарон* — равнина на восточной стороне Средиземного моря.

42. *Хермон* — гора на севере Палестины.

43. *Не вянут ли мирты...* — В этой строфе восемнадцатилетний поэт демонстрирует слияние своего “я” с древним еврейским народом.

44. *Зрубавел* — предводитель первого отряда евреев, возвратившихся в Иерусалим из вавилонского плена (Перв.Езд., 2:64–70; 3:1–13).

45. *Встань и взойди!* — перефразированное “Встань, пойдя” (Быт.,28:2). В оригинале слову “взойди” соответствует слово “алу”, от которого произошло слово “алия” (“восхождение”), сегодня употребляемое в смысле “возвращение в страну отцов”.

46. *Таммуз* — месяц, соответствующий июню—июлю; середина таммуза (17-е число) — переломный день в еврейском календаре. В этот день, по преданию, Моисеем были разбиты скрижали Завета, сломлена защита Иерусалима (проломлены его стены вавилонянами) и т.п.

47. *Многоокая тьма...* — образ, восходящий, в соответствии с еврейской мифологией, к тысячеокому ангелу смерти.

48. *Демерджи* — одно из наиболее “космичных” стихотворений С.Черниховского. Гора Демерджи отстоит довольно далеко от Чатырдага, а долина Баар-Дере (по-видимому, имеется в виду Байдарская долина между Севастополем и Ялтой) находится вообще в стороне. Тем не менее поэт воспринимает все это как единое целое, как единый фрагмент Вселенной.

49. *Поднимем знамена во славу Сиона!* — перефразированное выражение: “Поднимите знамя к Сиону” (Иер.,4:6).

50. *...простору и свету.* — Фраза представляет собой параллель с библейским эпизодом, в котором отец Давида Иессей велел сыну отнести старшим братьям, воюющим с филистимлянами, сушеных зерен и хлеба (Перв.Цар., 17:12–18). В отличие от Библии в стихотворении Альтермана братья не на войне, а в полях, что придает стихотворению дополнительный умиротворяющий смысл.

51. *Пес и мясо.* — Стихотворение представляет собой трансформацию басни Эзопа «Собака с куском мяса» («Эзоп. Басни». Перевод М.Гаспарова. — М.ЭК-СМО-Пресс, 1999).

52. *Раши* — комментатор Библии и Талмуда (1040–1105); *Цшокке* — немецкий писатель-рационалист (1771–1848); *Рош* — знаменитый средневековый раввин; *Дрэпер* — американский естествоиспытатель (1837–1882).

Фисон — река, вытекающая из рая и омывающая легендарную землю Хавила, богатую золотом и драгоценными камнями. (Быт., 2:11).

53. *Ашер-йоцар* — Молитва, читаемая после выхода из туалета.

54. *Голусный марш* — название, образованное от слова «голус» — изгнание.

55. *Потогонная фабрика*. — Стихотворение переведено С.Рабинович и Я.Либерманом.

56. ...*место с восточной стороны*... — место у восточной стены в молельном зале синагоги. Такие места считаются особо почетными.

57. *Авишаг* — девушка, которая ухаживала за престарелым царем Давидом и согревала его. Оставшаяся девственно чистой, она стала затем невестой царя Соломона, сына Давида от Бат-шевы (Вирсавии). В стихотворении описываются последние дни Давида, когда за царскую корону развернулась борьба между Соломоном и Адонией — сыном Давида от Аггиды (Тр.Цар. 1:1-50).

58. *Капота* — мужская одежда типа длиннополого халата, которую носили местечковые евреи.

Ярко-желтая заплата — по-видимому, отличительный знак, который было предписано нацистами носить евреям.

59. *Херем* — религиозное проклятие, отлучение.

Трефной, трефная — наименование пищи, приготовленной с нарушениями религиозных предписаний; здесь употребляется в переносном смысле.

60. *Танах* — еврейское наименование Ветхого Завета; *Гемара (Гемары)* — наименование второй части Талмуда и составляющих ее томов.

61. *Нигун* — еврейский музыкальный жанр песни без слов; *шер* — еврейский танец.

62. *Моше-рабейну* — почтительная форма имени пророка Моисея, означающая «Моисей — учитель наш».

По преданию, Моисей умер не войдя в страну Ханаан, обещанную евреям Богом (Втор., 34:5).

63. *Остаток Иакова* — выражение из «Книги Исаии» (Ис., 10:21).

64. *Иешуа бен Нун (Иисус Навин)* — библейский военачальник, завоевавший Ханаан. В одной из битв для достижения победы остановил солнце и луну, продлив день (Иис. Нав., 10:12-13).

65. *Мишна* — первая часть Талмуда.

66. *Тайч-хумеш* — переложение Пятикнижия (Торы) на идиш, предназначенное для женщин.

67. *Фабиус Линд* — герой одноименной книги Гланц-Леелеса, наиболее ярко отражающий взаимоотношения писателя с миром. Многие критики считают, что Фабиус Линд — «алтер эго» автора.

68. *Из поэмы «Пятимиллиардный»*. — Стихотворение переведено Н.Голем и Я.Либерманом.

69. *Ангел Малахамовес* — ангел смерти.

70. *Перец Маркиш* — выдающийся еврейский поэт, расстрелянный в связи с «Делом Еврейского антифашистского комитета».

71. *Иехезкель Добрушин* — еврейский драматург, театровед, педагог, арестованный по «Делу Еврейского антифашистского комитета» и погибший в лагере.

72. *Бойтре Кульбака...* — герои литературных произведений (Бойтре — герой драмы М.Кульбака «Разбойник Бойтре», Аншель Залязник — герой поэмы П.Маркиша «Чертополох», Пенек — герой романа Д.Бергельсона «У Днепра»).

73. *Лемла Лейбы Квитко...* — персонажи стихов Л.Квитко (Лемл) и И.Фефера (Али-Бен).

74. *...семьдесят страхов...* (округленное семьдесят два) — число, по древней еврейской традиции символизирующее полноту, завершенность.

75. *...гетман идет...* — Имеется в виду, по-види-

мому, гетман Богдан Хмельницкий, во времена которого состоялись массовые убийства евреев Украины.

76. *...песнь о кедре...* — в данном контексте, вероятно, тяга друг к другу людей Севера и Юга, отображенная в стремлении некоего хвойного дерева (*Fichtenbaum*) к пальме в знаменитом гейневском «Лирическом интермеццо».

77. *Фуга смерти* — трансформация стихотворения Иммануэля Вайсгласа «Он».

78. *Мандорла* — миндальное дерево, неоднократно упоминаемое в Библии (Быт., 43:11; Исх., 25:33; Числ., 17:8) и иных еврейских религиозных книгах. Стихотворение наглядно иллюстрирует увлечение П.Целана еврейской мистикой, в соответствии с которой Ничто — не имеющая атрибутов всеобъемлющая сущность, породившая все, а Царь — это Бог, сокрытый в Ничто (Г.Шодем. Основные течения в еврейской мистике. В 2 т. Т. 1 — Иерусалим. Библиотека — Алия, 1989).

79. *...не окрасился он сединой...* — Ранний расцвет миндаля, согласно Библии, символизирует раннее наступление старости, раннюю седину (Эккл., 12:5). С другой стороны, ранний расцвет миндаля означает немедленное исполнение Божьей воли (Иер., 1:11). Отсюда локон, неокрашенный сединой, символизирует задержку в исполнении воли Бога.

80. *Кристалл* — Стихотворение построено, по-видимому, на сакральном значении числа семь, указывающем на Седьмое Небо — «обиталище» Бога.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика.....	3
---------------------	---

ИЗ ИВРИТСКОЙ ПОЭЗИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Элеазар бен Калир

Кероба на праздник Шаувот.....	7
--------------------------------	---

Дунаш бен Лабрат

“Свободой Господь Своих чад наградит...”	11
--	----

Самуил Ганагид

Ода по случаю победы Гренады над Севильей в сентябре 1039 года	15
“Когда от роду год всего...”	17
“Кто книг без счету накупил...”	19
“Изменчив у погоды нрав...”	20
“Имей приятные слова...”	21

Соломон ибн Габироль

Скорбная Песнь	23
“Ночь простирает свои крылья...”	24
О том, как на пиру у некоего Моисея кончилось вино	25
“Сулят покой слова моих друзей...”	26
“Я поэт, мне подвластен упрямец аруз...”	28
“Как петь мне, когда песня ныне...”	29
“Жизнь влачим мы в униженьи...”	31
“Древний корень Давида...”	33
Элегия на Судный день	34

Моисей ибн Эзра

“Луна мне серебряный блик подарила...”	37
“Дождь оросил весенний сад и луг...”	38
“О дочери лозы, пленен...”	39
Мурабба на прощание с любимой	40
Загадка	41

Иегуда Галеви

“Мой милый искушитель, проказник молодой...” ..	43
“Скорее пробудись. Любовью покорен...”	44
“Ланиты-розы жадный взгляд срывает...”	46
“Офра одежды моет в слезах моих очей...”	47
“Недавно встретился тайком я с милою моею...” ...	48
“Земля, вчера еще младенец...”	49
“Пусть пришла пора расстаться...”	52
“Как мелодичен голос твой	54
“Я не боюсь людской вражды и злой тоски...” ...	55
“Из кудрей чернявых вырвав...”	56
“Я изведаль вкус полыни...”	58
“Угнаться ли за молодостью нам...”	59
“О радость мира, жемчужина стран...”	60
“И в покое и в тревоге сердце...”	61

Авраам ибн Эзра

Игра в шахматы	65
“Нам вечной жизни не дано...”	66
“Звезды в заговор вступили...”	69

Иегуда Алхаризи

“Скупость и в служанках ни к чему...”	71
Скупому	72
“Ступеней в жизни три, но не ко всем стремись...”	73
“Спроси отца твоего, и он ответит тебе...”	74
“Взгляните, как усердно молится старик...”	75
“Подобен торгу мир, и люди в нем...”	76
“Княжна, ты удивительна в деяниях своих...”	77
“Как-то однажды в субботнюю ночь...”	78

“Новое нам приятно и мило...”	79
Иммануил Гароми	
“Если б не боялся Бога...”	81
Из поэмы “Ад и рай”	82
“Как счастлив я, что милая моя...”	83
“Любовь законов никаких не знает...”	84
“Познание — лестница, что на земле стоит...”	85
“Смотрю я с грустью: быстротечны дни...”	86
“Если б не стыдился перед Богом...”	87
Исаак Лурия	
Субботний покой	89

ИЗ ИВРИТСКОЙ ПОЭЗИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Моше-Хаим Луццато	
“Изо всего, что вижу ежедневно...”	93
“Орлом бы стать...”	94
Иегуда-Лейб Гордон	
“Как унижен мой народ!..”	97
Проснись, мой народ!	99
Свечи Хануки	102
“Рыдайте, врачи, — время тризны, не свадьбы...” ..	104
“Был я связан и скован...”	105
Хаим-Нахман Бялик	
К птице	107
Благословение народа	110
Из песен лета	113
Саул Черниковский	
Фантазия	117
Демерджи	118
Призыв	119
Родная земля	120
Чудо-роза	123
К Мириам	124

Натан Альтерман

- “Еще слышится песня, что пелась тобой...” 127
“Вот шепчет о чем-то деревьев листва...” 128

ИЗ ИДИШСКОЙ ПОЭЗИИ

Соломон Этингер

- “Я вам открою ужасный секрет...” 131
Пес и мясо 132

Морис Розенфельд

- “Винегрет: вши Фараона...” 135
Голусный марш 136
Потогонная фабрика 139

Давид Эдельштат

- Моя весенняя песня 143
Защитникам темноты 146
Раненый орел 149
Бессмертие 152

Яков Глатштейн

- Ужин (*Вечерний хлеб*) 155
Авишаг 157
Баллада 160
Спокойной ночи, мир 162
Я здесь никогда не бывал 164
Достоевский 166
Моше-рабейну 168

Арон Гланц-Леелес

- Замки 171
Дни Фабиуса Линда 172
Так есть и так будет 174
Диалог 177

Хаим Бейдер

- Из поэмы “Пятимиллиардный” 179
Костер 182

Либерман Яков Львович

ИЗ КЛАССИЧЕСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

*Перевод
с иврита, идиша, немецкого*

Компьютерная верстка *С.И.Недвига*

Изд. лиц. ИД № 04401 от 26.03.01.
Подписано в печать 08.04.03. Формат 70×90^{1/32}.
Бумага ВХИ. Гарнитура Arial Cyr. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,83. Уч.-изд. л. 4,9.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1931.

Банк культурной информации.
620026, г.Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс: +7 (3432) 516-526.

Отпечатано в издательско-полиграфическом
комплексе «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Я.Л.Либерман родился в 1944 году в г.Алапаевске Свердловской области. В 1959—1960 гг. работал токарем на Алапаевском станкостроительном заводе. После окончания школы рабочей молодежи учился в Уральском политехническом институте.

Яков Львович — известный специалист в области управления техническими и живыми системами, литературовед и поэт-переводчик, профессор Академии искусств им.Демидовых, доцент УГТУ-УПИ, член ряда российских и международных академий, в том числе Российской академии изобретательства и Международной академии информатизации, почетный работник высшего образования России, почетный член Союза писателей Израиля, автор более 250 научных трудов, 50 изобретений, автор и составитель 20 книг. Научная и творческая деятельность Я.Л.Либермана отмечены медалями и премиями, его имя включено в энциклопедию «Инженеры Урала» и международный биографический справочник «Кто есть кто в мире» (Маркусовский центр, США).

Книга «Из классической еврейской поэзии» издается к 60-летию Я.Л.Либермана.